

ДМИТРИЙ
ЧЕВЫЧЕЛОВ

ОСТРОВ НА КАРТЕ
НЕ ОБОЗНАЧЕН

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Дмитрий Иванович Чевычелов

Остров на карте не обозначен

Серия «Тайный фронт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143646

Остров на карте не обозначен. Повесть; Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-659-8

Аннотация

Дмитрий Иванович Чевычелов (1904–1970) был опытным редактором, директором издательства. Но тайно он сочинял свой шедевр – роман о подпольщиках и разведчиках в годы войны, которые готовят восстание против гитлеровцев. И у него получился шедевр приключенческого жанра!

События повести разворачиваются в конце 1943 года на пустынном острове в далеких водах Арктики. Там, в подземных водных лабиринтах, фашисты создают тайный город. На них работают военнопленные и политические заключенные, обреченные на смерть как «носители тайны» – «гехаймтрегеры». Подпольная организация заключенных готовит восстание и побег. Неожиданная развязка, ощущение тайны на каждой странице и дух того героического времени. Читайте возвращенную классику остросюжетного жанра!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	33
Глава третья	54
Глава четвертая	79
Глава пятая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

**Дмитрий Иванович
Чевычелов
Остров на карте
не обозначен
*Повесть***

*** * ***

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

Катастрофа в океане

1

Остров был невелик – менее шести километров в поперечнике. Он состоял из беспорядочного скопления крутых, заснеженных возвышенностей, большую часть года покрытых низкими, беспокойными тучами и туманами. В ущельях, разбросанных по острову, было много пещер, часто переходящих в сложные подземные лабиринты. Остров не значился на картах океана, лежал далеко в стороне от морских коммуникаций, и попасть к нему можно было только случайно, сбившись с курса в дурную погоду.

Огибая его изломанные, высокие берега, не всякий мореход обратил бы внимание на ничем не примечательный, против других, фиорд с южной стороны. Но именно этот фиорд неожиданно приводил в просторную, защищенную высокими скалами, удобную бухту с глубокими спокойными водами.

В сентябрьский день 1943 года, когда начинаются события этой повести, в океане свирепствовал шторм. Огромные волны с оглушительным грохотом обрушивались на скали-

стые берега острова. Бешеный ветер подхватывал пенящиеся тучи брызг, скручивал их в колючие смерчи, с воем кружил над скалами, врвался в ущелья, хлестал по черным камням.

В этот день уже нельзя было сказать, что остров необитаемый и непосещаемый. Нет! В его скрытой бухте имелась удобная пристань, с длинным причалом и вместительными складами у каменной стены. Возле складов – часовые с автоматами и два офицера в эсэсовской форме.

Офицеры стояли у края скальной площадки, по соседству с причалом. Младший офицер-гестаповец, напрягая голос, чтобы перекрыть шум штормового прибоя, доносившегося от береговых скал, докладывал старшему:

– Это место оказалось самым лучшим, господин штандартенфюрер! Здесь любое судно сможет пришвартоваться прямо к скале, без причала!

– А если при этом судно напорется днищем на подводные камни?

– Скала обследована здесь на большую глубину, господин штандартенфюрер. Именно в этом месте она не имеет под водой ни острых выступов, ни гротов. Ровная, как стена!

– Как надежно это обследование?

– Об этом, господин штандартенфюрер, вам сможет доложить майор Клюгхейтер. Майор лично наблюдал за этим обследованием.

– Сейчас я спрашиваю тебя, Хенке!

– Но я, господин штандартенфюрер, только пользуюсь

данными майора. Ничего другого сказать не могу.

– Гестапо обязано знать все, что и как делается на острове!
И о майоре Ключейтере – тоже! Учти это!

– Слушаюсь, господин штандартенфюрер!

Штандартенфюрер натянул перчатки плотнее и направился к машине, ожидавшей в стороне. Хенке заторопился вперед, предупредительно открыл дверцу машины.

– Садись тоже! – приказал штандартенфюрер. – Ты мне еще нужен.

Хенке уселся рядом с шофером, и машина сразу же тронулась. По узкой дороге, прорубленной в каменном грунте, она осторожно поднялась в гору и скрылась за скалой.

Не станем пересказывать, о чем разговаривали эсэсовцы в машине. Читатель успеет еще познакомиться с их замыслами и делами на этом безымянном острове, где и развернутся основные действия героев повести.

2

Небольшой охраняемый караван советских судов осторожно пробирался к цели, обходя районы, где всего вероятнее могли появиться подводные лодки врага. Но шторм разбросал караван в разные стороны – и радиотелефонная связь между судами прекратилась.

На седьмые сутки шторм, казалось, стал набирать новые силы. Тяжело нагруженное судно «Нева», стараясь держать-

ся против ветра, то и дело глубоко зарывалось носом в клочущие волны. Судно продвигалось вперед медленно, ныряя снова и снова. И вдруг, все изменилось.

Громадный клочущий вал перекатился через бак и тяжело обрушился на палубу. Судно поднялось, потом опустилось и, врезавшись носом во встречную волну, неожиданно закачалось спокойно.

Штормовой ветер умчался прочь. Острые смерчи соленых брызг, смешанных со снегом, крутившиеся над палубой, мешавшие дышать и смотреть, рассеялись. Кругом сразу прояснело. Холодное небо, затянутое мрачными тучами, открылось у горизонта. Выглянуло низкое полярное солнце и осветило бескрайние пространства океана. Ледяные волны с крутыми кипящими гребнями быстро успокаивались, как будто решили дать заслуженный отдых упрямому судну и его измотанному штормом экипажу.

Но отдыхать людям не пришлось. Надо было откачать воду, ворвавшуюся в среднюю надстройку, проверить крышки люков, затянутые парусиной, подтянуть крепления спасательных шлюпок. Да мало ли что надо было сделать на судне, только что выдержавшем недельный шторм!

Неутомимый старожил «Невы» боцман Кузьмич – арктический морской волк с облысевшей головой, круглой как шар, с прокуренными усами-сосульками – придиричливо наблюдал за работой команды. Поглядывая на небо с черными тучами, на белые барашки все еще крутых волн, он поторапливал людей, зная коварный характер Ледовитого океана, способного в любую минуту вновь надолго разбушеваться. На капитанском мостике в это время несколько человек с интересом разглядывали скалистый остров, неожиданно открывшийся с подветренной стороны.

Штурман Костилов только что доложил координаты местонахождения «Невы». Он был явно озадачен и теперь вопросительно смотрел на карту, ожидая, что скажет капитан

Шерстнев.

– Что же это за остров мы видим? – Шерстнев потрогал седые усы. – На карте на этих координатах никакого острова не значится.

– Не знаю, Василий Иванович! – пожал плечами Костиков.

– Может быть, вы неверно определились?

– Трижды проверяли, Василий Иванович. Определились верно. Действительно, острова здесь не должно быть.

– Но остров, как видите, есть, – добродушно улыбнулся Шерстнев. – Ошибка либо на карте, либо в вашем определении координат.

– Мы определились правильно, Василий Иванович! – твердо повторил Костиков. – Ошибается карта.

– Считайте, что остров на карте не обозначен! – заключил разговор Шерстнев. – Будем следовать тем же курсом. Ледяных полей пока нет. Воспользуемся этим.

– Разрешите идти?

– Идите.

После ухода штурмана Шерстнев снова долго рассматривал остров в бинокль, прислушиваясь к разговору, который за его спиной вели первый помощник Борщенко и единственный, особый пассажир «Невы» – профессор Рынин.

– Никаких признаков человеческого присутствия! – сказал наконец Шерстнев, повернувшись к собеседникам и передавая бинокль Борщенко. – Погляди, Андрей...

Борщенко взялся за бинокль без всякого желания.

– Чтобы убедиться в необитаемости этого острова, изучать его в бинокль вовсе не надобно.

– Ни на минуту не забывай, Андрей, что идет жестокая война. Война!.. Всякое может быть...

– Но немцев тут не может быть!

– Почему не может?

– От морских путей очень далеко, тут только голые скалы да снег.

– Место, куда мы пробираемся, тоже не райский сад. А немцы интересуются им, и еще как!

– Место, куда мы пробираемся, помимо других важных сторон, имеет стратегическое значение. А здесь этого значения нет. Караваны здесь не ходят. Нас забросило сюда случайно. Что же здесь может интересовать немцев? Камни?

– Наша задача – благополучно доставить на место груз и Бориса Андреевича, – строго сказал Шерстнев. – Нам важно не напороться на немецкие подлодки. А что касается камней этого острова, то, может быть, и они что-нибудь значат. Мы этого не знаем.

Борщенко повернулся к внимательно слушавшему спор Рынину.

– Борис Андреевич! Вы – ученый, геолог и строитель. Вы тоже рассматривали остров в бинокль. Скажите, неужели имеют какой-либо интерес эти скалы?

– Чтобы ответить на ваш вопрос, надо обстоятельно об-

лазить эти скалы, что для меня сейчас исключено. – Рынин мягко улыбнулся. – Но там не только скалы, Андрей Васильевич! Там – фиорды. А они смогут служить хорошим укрытием для кораблей и подводных лодок врага. А имеет ли смысл их здесь держать – это я уж не могу сказать. Некомпетентен.

Борщенко нахмурился, поднес бинокль к глазам и стал внимательно смотреть...

«Нева» обходила остров с западной стороны. И если бы в это время для обзора была доступна восточная сторона, Борщенко смог бы увидеть на скалистом выступе острова нечто такое, что резко изменило бы ход его мыслей... Но сейчас он ничего не увидел...

3

На верхней палубе во время перекура около бывалого полярника радиста Пархомова столпилась молодежная часть команды. И разговор там шел о том же острове.

Рыжеватый, широколицый Пархомов, указывая на остров, говорил:

– Он выдавлен со дна океана...

– Как это выдавлен? – поразился Сергей Степанов.

– А вот так, Серега! – Пархомов заухмылялся и сделал плавный, округлый жест руками снизу вверх. – Ты не знаешь разве, что земная кора подвижна? В одном месте зем-

ного шара она поднимается, в другом опускается. И вулканические силы действуют. Иногда они выдавливают острова в океанах.

Неужели не читал об этом?

– Читал. Только... – неуверенно начал Сергей, но на него зашикали: «Не мешай!», «Потом спросишь!» Все опять устались на Пархомова. А он сделал серьезное лицо и продолжал:

– Миллионы и миллионы лет тому назад на этой земле, что выдавлена в виде этого пупырышка...

– Какого пупырышка? – удивился Коля Муратов.

– Ну, этого острова... Он же пупырышек, по сравнению с пространствами океана!.. Так вот, на этой земле тогда были жаркий климат и буйная растительность...

– А старые семена не сохраняются на выдавленных островах? – опять не выдержал Сергей. – Я читал, что при археологических раскопках находят живые зерна растений отдаленных периодов. Такие семена могли бы...

Лицо Пархомова было недовольное, но слушал он не перебивая. Степанова энергично оборвал комсорг Костя Таслунов:

– Сергей, перестань! Опять ты перебиваешь! Пусть Кирилл Сафронович рассказывает. Вопросы – потом.

– Может быть, еще и в письменной форме? – иронически возразил Муратов. – Но тут не собрание, а беседа!

– Правильно! – обрадовался поддержке Сергей. – Я если

сразу не спрошу – потом забуду.

– Ладно, ребята, перебивайте. Буду отвечать сразу! – согласился Пархомов. Лицо его расплылось в добродушной улыбке, в глазах заиграли лукавые огоньки. – Начинаю с тебя, Серега... Семена здесь сохраняются. Они оживают под солнцем, и вырастают те же растения, что и были когда-то...

– Неужто?! – восторженно удивился доверчивый Сергей. – Вот здорово! Может быть, на этом острове и пальмы есть? И обезьяны?

– Определенно есть! – продолжал Пархомов с серьезным видом.

Ребята замерли, переглядываясь. Нетерпеливый Костя поднял руку, с явным намерением возразить, но Пархомов погрозил ему пальцем и продолжал:

– Обезьяны там крупной породы, длинноногие. Вот как он! – Пархомов указал на подошедшего своего закадычного друга, рулевого Фому Силантьева. – Фома уже был на таком острове. Пусть расскажет про обезьян. В приятелях у них ходил, как Челленджер в «Затерянном мире».

– Кирилл, заткнись! – обозлился Силантьев. – Что ты забиваешь им головы фантастическими выдумками. Мог бы об Арктике дельное рассказать...

Пархомов улыбнулся.

– А я, Фома, может быть, этим и занимаюсь. Я их партийный батяка. Вот Серега, например, попался: не знает природы Арктики...

– Он в Арктике и вообще в плавании – впервые. И всему верит, потому что сам никогда не врет. Вы, комсомолия, не давайте Пархому небылицы сочинять. Сразу останавливайте его, когда разойдется...

– Останавливают, останавливают, – добродушно сказал Пархомов. – Но они любят меня слушать, даже когда я сочиняю. А ты, Фома, сухарь. Тебя разгрызть трудно – до того ты пересох!

Силантьев сердито перебил:

– Рассказал бы им, что с тобой самим случилось в Арктике.

– Вот к этому я и подводил, – миролюбиво сказал Пархомов. – Но ты помешал. Уходи поскорее...

– Ухожу без твоего приглашения. Учтите, ребята, никто ничего конкретного об этом острове рассказать не сможет. К нему наши корабли никогда не подходили. Он и на карту не нанесен. И, кроме жуков и пауков в пещерах, ничего живого там наверняка нет.

– Скажи пожалуйста! Какие новости ты им сообщил! Они, Фома, знают об Арктике больше тебя, кроме Сереги, разве. Знают также, что, кроме жуков и пауков, там проживают и зловредные микробы – родственники тех, что в тебе обосновались...

– А ну тебя! – еще больше озлился Силантьев. – Брехун несчастный!

– Не злись, Фома! Это вредно для твоих длинных ног. Они

еще понадобятся – хотя бы для того, чтобы ты быстрее ушел от нас...

– Ну и дьявол! Тьфу! – Силантьев повернулся, чтобы уйти, но Пархомов остановил его:

– погоди! Ты мне еще нужен! – Он глянул на ручные часы и обратился к комсомольцам: – Ребята! Через пять минут – снова за работу. После я расскажу об островах, где я действительно бывал. А пока погуляйте.

Пархомов и Силантьев остались наедине. Весь остаток перерыва приятели оживленно обсуждали последние радиосообщения о продолжающемся наступлении советских войск. Взглянув на часы, Пархомов заторопился:

– Мне пора. Иду опять к своим подшефникам...

Он нашел их у камбуза. Костя Таслунов и Коля Муратов стояли лицом к лицу, взъерошенные, как молодые петухи, готовые наброситься друг на друга. Костя горячился:

– Стенгазета из-за тебя не выйдет в срок!

– Обойдется на этот раз и без карикатуры! – заупрямился Муратов.

– Для твоей карикатуры оставлено место. Нельзя же газету повесить с бельмом!

– Приклей туда заметку из запаса. Объявление можно туда вписать. А то сразу угрожать: «На бюро-о!», «Выход газеты сорвал!»

Костя окончательно разозлился:

– Безответственный ты элемент, Колька!

– Ну, ну! Ты такими словами не швыряйся! – вскипел Муратов.

– И хотя бы делом, а то ерундой всякой занимался! – продолжал Костя.

– Е-рун-до-ой?! – Муратов торопливо вытащил из кармана жестяную коробочку и извлек из нее вылепленную из хлеба раскрашенную фигурку.

– Это, по-твоему, ерунда?! – Он сунул фигурку к носу Таслунова. Тот немедленно отвел руку Муратова в сторону.

– Фу-у, пакость какая! Нашел чем хвастаться! Может, предложишь еще пристроить эту мерзость к газете?

В руке Муратова была шаржированная фигурка Гитлера. Зловещая челка. Свиристый взгляд исподлобья. Засученные рукава – и в руке окровавленный топор палача со свастикой на лезвии. У основания плахи и у ног Гитлера – отрубленные головы людей разных национальностей. Внизу надпись: «Путь к господству!»

– Тошнит, глядя на эту гадюку! – продолжал Костя. – Выбрось в мусорное ведро – там ей самое подходящее место!

– погоди, погоди, Костя, – вмешался Пархомов. – Коля, покажи.

Он взял работу Муратова и стал ее рассматривать.

– Здорово! Самая суть фашизма схвачена. Путь к господству через казни, через уничтожение целых народов.

Костя растерялся, сбитый с толку словами Пархомова, и молчал.

Никто не заметил, как подошел Кузьмич.

– Все еще ласы точите?! Ээ-э! Что за штуковина?!

Он взял фигурку и, осторожно поворачивая, оглядел со всех сторон. Потом перевел взгляд на Муратова.

– Твоя работа, Николай? Да-а... Руки твои золотые, понимающие. Кончится война – иди в академию!.. – Кузьмич протянул фигурку Муратову. – Убери, не поломай. И потом обязательно покажи Василию Ивановичу. А теперь – пора за работу, молодежь!

Но никто не успел тронуться с места, как появился Силантьев и остановил всех возгласом:

– Комсомолия! Елифан Степанович пропал!

– Как пропал?!

– А вот так. Нигде нет. Может быть, за борт смыло. А вы и не заметили. Тоже, друзья называетесь!

Ребята растерянно повернулись к Кузьмичу.

– Ищите! – распорядился тот. – Только быстро!

4

В каюте у капитана Шерстнева продолжался разговор, начатый еще на капитанском мостике.

– Вы, Борис Андреевич, сугубо штатский человек и не вполне понимаете обстановку! – говорил Шерстнев. – Если вы не возражаете, я вам коротко все объясню...

– Пожалуйста, Василий Иванович, – спокойно согласился

Рынин и закурил. Его размашистые брови чуть сдвинулись; серые внимательные глаза прищурились.

Борщенко, несмотря на приглашение Шерстнева, в разговоре участия не принимал. Он осторожно уселся в заскрипевшее под его тяжестью кресло и, подперев широкой ладонью гладко выбритый подбородок, скептически улыбнулся. Шерстнев недовольно покосился на него и снова обратил все внимание на Рынина.

– Так вот, Борис Андреевич, – начал он. – Шторм разбросал наш караван. Эскортные корабли заняты сейчас розысками судов, чтобы снова собрать их в один конвой. На это уйдет не менее суток, потому что радиотелефонная связь между судами и эскортными кораблями потеряна...

– Понятно, – спокойно сказал Рынин. – Ультракороткие волны ограничивают действия радиотелефонов горизонтом...

Шерстнев пошевелил седыми усами.

– Может быть, Борис Андреевич, вам не надо объяснять, почему суда и эскортные корабли сейчас не могут держать между собой нормальную связь через свои радиостанции?.. Что мы сейчас можем только принимать радиопередачи?.. Что нам самим передавать ничего нельзя и мы установили у себя радиомолчание?

– Безусловно, и это мне ясно, Василий Иванович, – спокойно подтвердил Рынин. – Радиомолчание нужно, чтобы враг не обнаружил наше местонахождение...

– Тогда мне объяснять вам нечего, Борис Андреевич! Вы сами должны все понимать!..

– И все-таки я не понимаю, Василий Иванович, почему вы настаиваете, чтобы я перешел на сторожевой корабль?

– Неужели непонятно? – Шерстнев с явным призывом о поддержке глянул на Борщенко, продолжавшего отмалчиваться. – Сторожевой корабль, когда найдет нас и даст ориентир, вероятно, тотчас уйдет на поиски других судов. А мы, пока караван не соберется вместе, может быть, целые сутки будем идти без охраны...

– Ну и что же?

– Вам было бы на вооруженном корабле безопасней...

– А почему мне надо быть в большей безопасности, чем вам, например?

Шерстнев задумчиво почесал подбородок.

– Вы, Борис Андреевич, крупный ученый и строитель. Направлены вы в такие далекие места по особому решению, со специальным заданием. Вам обязательно надо достичь места назначения. Вы там очень нужны...

– Не продолжайте, Василий Иванович! – прервал Рынин. – Мне все ясно. Никуда я от вас не уйду. Мне у вас нравится. Я к вам привык.

Борщенко повернулся в сторону Рынина так энергично, что кресло под ним затрещало...

– Слушай, Андрей! – недовольно обратился к нему Шерстнев. – Сколько раз я просил тебя не садиться в это кресло! При твоей комплекции это когда-нибудь приведет к неприятности – в первую очередь для тебя, о кресле я не говорю...

Борщенко послушно встал, оглядываясь, куда бы пересесть. Богатырского роста, косая сажень в плечах, с густой черной шевелюрой, смуглый как цыган, Борщенко рядом с низеньким седеньким Шерстневым выглядел великаном... Сын друга молодости Шерстнева, в гражданскую войну сложившего голову в степях Причерноморья, Андрей Борщенко еще подростком вступил на отцовскую стезю моряка... Годы плаваний под строгой рукой Шерстнева и одновременная многолетняя учеба сделали из него закаленного в бурях, образованного морехода... Но и сейчас, когда ему уже стукнуло тридцать и сам он имел двоих детей, – сыновняя почти-тельность к своему строгому воспитателю и командиру Ва-

силию Ивановичу никогда не покидала его.

Зазвонил телефон. Шерстнев снял трубку.

– Да... Так... Сейчас приду... – Он повернулся к Рынину. – Извините, Борис Андреевич... Вынужден прервать... Я скоро вернусь...

5

Борщенко и Рынин остались одни.

Помолчали. Под ногами все сильнее ощущалась ритмичная дрожь. Судно, как живое существо, напрягало силы, повышало скорость. Меньше чувствовалась качка...

– Надоели вам наши качели? – спросил Борщенко. – Хотите скорее ступить на земную твердь?

– Конечно, желательно. Но до конца пути еще далеко, и этот ледовитый дьявол вполне успеет поживиться нами...

Борщенко добродушно засмеялся.

– Действительно, это не Маркизова лужа, а очень свирепый океан. Но он-то нам и не страшен, Борис Андреевич. Опасны другие демоны...

– Вы имеете в виду подводные лодки?

– Да. Хотя теперь уже сомневаюсь в возможности появления их здесь. Рискованные участки мы миновали, а в такие широты вряд ли они полезут...

– А вот Василий Иванович все время пугает меня этими лодками.

– Василий Иванович беспокоится о вас, Борис Андреевич. И он понимает, чего добивается. Он всякое повидал... Да вы же знаете...

– Да... – Рынин задумался. – Как годы летят...

Раздался осторожный стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Борщенко.

На пороге появился Пархомов. Он с любопытством посмотрел на Рынина и, повернувшись к Борщенко, спросил:

– Разрешите обратиться, товарищ Борщенко?

– Пожалуйста...

– Получен прогноз погоды. Вот! – Пархомов подал листок с принятым по радио текстом.

– Хорошо. Я передам Василию Ивановичу. Можете идти. Пархомов ушел.

– А почему, Андрей Васильевич, у вас с ним такой официальный тон? Я ведь уже заметил, что вы друзья...

– Сейчас мы при исполнении служебных обязанностей. Все должно подчиняться установленному порядку, дисциплине. Иначе нельзя!

– Аа-а, понимаю... А он парень своеобразный. Напускает на себя дурашливость, а на самом деле все замечает и делает с умом.

– Это верно, – улыбнулся Борщенко. – Он иногда такое разыграет, что его за дурака можно принять. Он хитрюга... И очень сердечный. А дружба наша старая. Он сибиряк, но детство мы провели вместе, в одной деревне с немцами По-

волжья. Отсюда и наше знание немецкого языка...

– Да, немецким вы владеете превосходно!..

Борщенко довольно улыбнулся. Похвала Рынина была приятна.

Для своих сорока пяти лет Рынин много раз и подолгу бывал за границей. Он свободно владел несколькими европейскими языками. Был сдержан, но за время пребывания на «Неве» в этом трудном рейсе, сблизился с Борщенко, часто рассказывал ему о всяких случаях за рубежом... И всякий раз Борщенко не упускал возможности поговорить с ним на немецком и английском языках...

– А с английским у вас еще туговато, Андрей Васильевич.

– Я это знаю...

– Очень жаль, что у нас в школах недооценивается изучение иностранных языков с детства, – добавил Рынин. – Это очень развивает мышление.

Стук в дверь прервал беседу.

В каюту вошел Костя Таслунов.

– Вы меня вызывали, Андрей Васильевич?

– Да, Костя... Что там случилось со стенгазетой? Почему она не вышла в срок?

Костя смущенно промолчал.

– Шторм, что ли, напугал молодежную редколлегия? – иронически продолжал Борщенко.

– Что вы, Андрей Васильевич! – вспыхнул Костя. – Шторм тут ни при чем...

– Кто же «при чем»?

Костя замялся.

– Мне сказали, что ваш приятель Коля Муратов вас подвел. Правда это?

Костя бросил на Борщенко быстрый взгляд.

– Увлёкся он, Андрей Васильевич, другой работой... Вдохновение нашло...

– Аа-а, ну тут уж ничего не поделаешь, раз вдохновение, – улыбнулся Борщенко. – Можно ли выпустить газету к вечеру?..

– Обязательно, Андрей Васильевич! – обрадовался Костя. – Обязательно!..

– Ну, если так – все в порядке. Больше говорить об этом не станем...

– Можно идти?

– Идите. Но не забудьте – к вечеру...

– К ужину будет висеть, Андрей Васильевич...

Костя направился к выходу, но Борщенко остановил его новым вопросом:

– А где нашли Елифана?

– В машинное забрался. Погреться захотел. Сейчас в камбузе. Обедает.

– А нельзя ли его, когда пообедал, к нам препроводить? Пусть здесь поспит. И мешать никому не будет, пока аврал. И не выбраться ему отсюда никуда.

– Слушаюсь, Андрей Васильевич!

Костя вышел.

– Горячий парень, – сказал Борщенко. – Все у него кипит. Проворный, точный. Прозрачный, как родник. Сорвался с учебы. С третьего курса университета. Историк. Любит спорить, а если противник слабый – продолжает спор в одиночку, сам с собой...

– Сам с собой?

– Да, да! Уверяет, что так он развивает гибкость мышления... И что в этом у него... диалектическое противоречие...

– Мало у вас на судне молодежи, – заметил Рынин.

– Да... – Борщенко посерьезнел. – Надо нам быстрее восполнять потери. Морскому делу обучить – требуется время...

Снова раздался стук в дверь:

– Можно?

На несколько секунд дверь открылась, мелькнула голова Кости, и в каюту важно вошел огромный черный кот с лохматыми бакенбардами и длинными усами.

– Аа-а, пропавшая душа явилась, – пробасил Борщенко. – Ну, Епифан, шагай к нам!

Но кот и усом не повел. Он медленно прошествовал в знакомый угол, упруго вспрыгнул в мягкое кресло и, сверкнув изумрудными глазами на наблюдавших за ним людей, независимо растянулся, заняв чуть ли не все сиденье. Повернув морду так, чтобы можно было изредка поглядывать на

дверь, он широко зевнул и закрыл глаза.

– Откуда добыли такого идола? – улыбнулся Рынин. – Если неожиданно появится – напугать может.

– Степанов подобрал на пристани в Мурманске. Он и имя ему дал. А ребята и отчество еще пристегнули. Так вот и прижился. Уже полтора года на «Неве».

– С ним здесь сразу уютней становится.

– Вот за это и балуют его все. Домашнюю обстановку вносит – чего здесь всегда так недостает.

– Да... Как-то теперь у нас дома?.. У меня ведь трое ребят. Уже взрослые почти.

– А у меня – двое. В эвакуации сейчас. Трудновато им там. Жене приходится много работать. Но что поделаешь, – не им одним тяжело...

6

В каюту вернулся Шерстнев и сразу заметил Епифана.

– Нашелся-таки, бродяга...

Епифан открыл один глаз, приветственно шевельнул хвостом, и глаз его снова успокоенно закрылся.

Шерстнев хмуро уселся за стол и обратился к Рынину:

– Еще раз прошу вас, Борис Андреевич, учтите мои сообщения...

Рынин улыбнулся.

– О чем мы спорим, Василий Иванович? Корабля еще нет,

и если бы даже я согласился, все равно вы вынуждены держать меня у себя... Выходит, спорим напрасно...

Шерстнев оживился.

– Но сторожевой корабль может появиться вдруг, неожиданно. И тогда, если вы согласитесь, я сразу же свяжусь с ним по радиотелефону!

– Нет, Василий Иванович! Еще раз категорически говорю: от вас я никуда не поеду! Все опасности я хочу делить с вами... Мне не нужны никакие привилегии...

Шерстнев огорченно забарабанил пальцами по столу.

– Не преувеличиваете ли вы опасность, Василий Иванович? – спросил Борщенко. – Теперь не июнь сорок первого, а сентябрь сорок третьего! В этом году фашистских подводников здорово потрепали – и у них нет лишних лодок, чтобы направлять в такие широты...

– Не то ты говоришь, Андрей! – недовольно сказал Шерстнев. – Врага надо оценивать трезво. Недооценка его так же вредна, как и переоценка. Немецкий подводный флот еще силен.

– Но для них есть более оживленные пути! – не сдавался Борщенко. – Забираться в такие пустынные места им просто невыгодно. Редкий транспорт – случайность. А теперь, когда их погнали на советском фронте, они в первую очередь будут рыскать на путях наших сношений с союзниками...

– Вот эти-то пути и являются сейчас пустынными, Андрей! За последние полгода, то есть с марта месяца, наши

союзники по этим путям не направили к нам ни одного конвоя. Опасаются за свои суда. Боятся потерь. А то, что основная тяжесть войны лежит на нас, и наших потерь они в расчет не принимают... Может быть, даже радуются им.

– Это вы, Василий Иванович, переборщили! Все-таки американцы по ленд-лизу переправили нам много грузов...

– Ах, Андрей! Мало ты еще знаешь об этих делах! – с досадой сказал Шерстнев. – Не будем сейчас говорить о них...

– Что же вы, Василий Иванович, считаете, что немцам так важен сейчас вот этот наш путь?..

– Я этого не говорю... Но напрасно ты думаешь, что немецкий штаб не в состоянии оценить значения того района, куда мы направляемся! Арктика их интересует давно...

В разговор осторожно вступил Рынин:

– Василий Иванович, не чересчур ли вы опасаетесь неожиданных неприятностей?

– Неприятности, Борис Андреевич, чаще всего бывают как раз неожиданными.

Тревожно зазвонил телефон. Шерстнев снял трубку, послушал и кинулся к двери:

– Это акустик! Подлодка у судна и, кажется, торпеда!

Он сорвал с вешалки свой непромокаемый плащ и бросился из каюты. За ним выскочили Борщенко и Рынин. И в это мгновение мощный взрыв потряс «Неву»...

При взрыве погибли машинист, два его помощника и матрос. Шестерых ранило. Радисты Пархомов и Мелешко находились в радиорубке до последней минуты. Открытым текстом они радировали о катастрофе и о своих координатах. Получили шифрованный ответ с указанием направления, по которому экипажу «Невы» надлежит следовать от места катастрофы на шлюпках. Навстречу им направляется спасательное судно...

Страшная рана, нанесенная «Неве», оказалась смертельной. Судно быстро наполнялось водой, все более опрокидываясь на корму. Энергичные действия Шерстнева и Борщенко предотвратили панику и суматоху. Экипаж работал слаженно, дружно. В несколько минут спасательные шлюпки с аварийными запасами продовольствия были спущены на воду. В первую же шлюпку усадили раненых...

Борщенко подозвал к себе Костю Таслунова, вручил ему непромокаемую сумку Шерстнева и сказал:

– В нашем положении, Костя, всякое может случиться. Тебе поручаю быть около Василия Ивановича и помогать ему и Рынину, когда надо. В сумке, на всякий случай, запасное шерстяное белье, куртка, меховые штаны и сапоги, теплая шапка с капюшоном, шарф, рукавицы, всякая мелочь и, если

потребуется, сухой и разведенный спирт. Понял?

– Все понял, Андрей Васильевич!

– Ну, в добрый путь!

Одна за другой шлюпки быстро отчаливали от тонущего корабля. Последним оставил крутую и скользкую палубу Шерстнев. Моряки, ожидавшие в шлюпке, подхватили капитана, помогли ему сесть на приготовленное место и проворно заработали веслами, торопясь отплыть подальше. Теперь все не отрывали взглядов от «Невы», которая все круче опрокидывалась на корму, все глубже оседала под воду. И вдруг как-то сразу она резко опустилась и с жутким бульканием, словно «захлебываясь» ушла в пучину, оставив над собой мощный водоворот.

Глава вторая

Коварство врага

1

От места катастрофы шлюпки с экипажем «Невы» двинулись по заданному курсу. Ветер по-прежнему дул в лицо. Время от времени боцман Кузьмич пускал красные ракеты – сигнал бедствия и ориентир для спасательного судна, идущего навстречу. Раненые были на первой шлюпке с Борщенко.

Шерстнев и Рынин находились на последней шлюпке. Там для них устроили импровизированные сиденья: между ящиками расстелили парусину, ноги прикрыли полушубками.

У Шерстнева болело плечо, ушибленное при падении, но острее болело сердце: «Нева», обжитая частица Родины, так катастрофически окончила свою трудовую жизнь, преждевременно ушла на вечный покой...

Молча, спокойно сидел Рынин. Шерстнев никак не находил себе места.

– Вам неудобно, Василий Иванович? – спросил Костя, заметив беспокойство Шерстнева. – Может, вам подложить парусину с этой стороны?

– Нет, Костя, нет. Ничего не надо.

– Меня Андрей Васильевич к вам прикомандировал, чтобы я помогал вам, когда надо. Вы не возражаете?

– Нет, не возражаю.

– А сейчас я могу что-нибудь сделать для вас?

– Сейчас нет, Костя. Вот разве поправь портфель у моих ног... Так... Прикрой его парусиной... Хорошо.

И опять установилось молчание. Слышался лишь скрип уключин да удары волн о борта шлюпки. Костя проверил, надежно ли укрыт портфель, и задумался... В капитанском прорезиненном портфеле должны храниться важные документы, и его надо беречь... Потом мысли Кости перекинулись на товарищей, находившихся в других шлюпках. Как-то они чувствуют себя в эти минуты?..

Шерстнев вдруг спросил:

– А что это Елифан голоса не подает? Жив ли?

– Перепугался он, Василий Иванович. Сидит в ящике тихо. Притаился.

– Ну, а как ты? Тоже, поди, испугался? Страшно попадать в такой переплет?

– Страшно, Василий Иванович, – признался Костя.

– В такие минуты, Костя, люди и раскрываются. Одни – вырастают, другие – пригибаются.

Слова Шерстнева встревожили Костю: «Не подумает ли Василий Иванович что-нибудь дурное?.. Я же испугался...»

Шерстнев словно почувствовал состояние Таслунова.

– Ты, Костя, не волнуйся, что испугался. Страшно в такие

минуты бывает и людям, уже повидавшим многое.

Главное в том, как люди начинают действовать в такие минуты... Ты ведешь себя нормально.

Костя повеселел и хотел спросить, бывали ли у Василия Ивановича в молодости такие минуты страха, но не решился... Сидел молча, думал и прислушивался к скучным фразам, которыми изредка перебрасывались моряки, сидевшие на веслах.

Медленно тянулось время.

Уже сгустились сумерки и появились первые вестники перемены погоды. Колючий холодный ветер все чаще швырял в лица людей ледяные брызги. Скоро налетит злой борей – и заплещут, взбесятся волны. Поэтому так хотелось поскорее ступить на прочную палубу. И гребцы старались, налегали на весла.

Шерстнев забеспокоился. Капризен океан в таких широтах. Пока подойдет спасательное судно, может разыгаться настоящий шторм. И тогда ракеты не будут видны даже на близком расстоянии.

Неожиданно темноту прорезал яркий луч прожектора. Все заволновались.

Шлюпки Шерстнева и Борщенко сблизились.

– Василий Иванович! Это, вероятно, наш сторожевой корабль! – прокричал Борщенко. – Но возьмет ли он нас?

– Посигнальте ему!

Одна за другой взвились ракеты. В ответ прожектор

несколько раз мигнул и направил луч в сторону шлюпок.

Шерстнев приказал:

– Держать курс по лучу прожектора!

Гребцы заработали дружнее. Продолжали взлетать ракеты.

– Придется все-таки вам, Борис Андреевич, перейти на палубу военного корабля, – сказал Шерстнев. – теперь уже поневоле...

– Да... Теперь я уже ничего поделать не могу...

Шлюпка и корабль быстро сближались. Вот уже луч наконец поймал, ослепил людей и так держал, пока черная масса корабля не выползла из темноты...

Забурлили мощные винты, гася скорость.

– Эй, на шлюпках! – раздалось с корабля. – Подгребай к трапу по очереди. Подниматься по одному. Личные вещи и грузы оставить в шлюпках. Получите потом!

Шерстнев приказал Борщенко с ранеными переходить на корабль первыми.

Пока люди со шлюпок один за другим поднимались на палубу корабля, Шерстнев снова задумался о том, что оставил он в холодной пучине сурового океана, – о родной «Неве»...

Голос Рынина вывел Шерстнева из невеселой задумчивости:

– Пора и нам, Василий Иванович...

Да. Последний моряк с предпоследней шлюпки уже поднимался по трапу. Пора подгребать и последней, капитан-

ской шлюпке.

Уже крепчал ветер, сильнее пенилась беспокойная волна...

2

Радостно переговариваясь, успокоившиеся моряки по очереди поднимались на корабль. Там их сразу же отводили в сторону.

Шерстнев поднялся последним. Его поразили необычные тишина и темнота на палубе. Странно было и то, что из то-варищей с «Невы» здесь уже не было никого, кроме Кости Таслунова, который до конца держался рядом...

Трое незнакомых военных в плащах стояли перед Шерстневым. Дальше виднелись еще несколько моряков с мрачно поблескивавшими автоматами. А между автоматчиками – Костя, которого потащили вперед.

– Иди за ними и не оборачивайся! – приказал Шерстневу военный в черном плаще.

Грубое обращение и акцент военного в черном плаще удивили Шерстнева.

И тут его обожгла мысль: «Немцы!» Он лихорадочно сжал в руке портфель с документами. Там вахтенная книга, сведения о секретном рейсе, о специальном грузе, об экипаже, о Рынине...

В этот момент он услышал впереди возню и вскрик Тас-

лунова:

– Это фашисты, Василий Иванович!

С нележкой для своих лет стремительностью Шерстнев бросился к борту. «Выбросить портфель в океан!» Тяжелый удар настиг его сзади и свалил с ног...

– Дайте сюда свет! – приказал кто-то по-немецки.

Луч прожектора метнулся на палубу и осветил сбитого с ног Шерстнева и портфель с документами, отлетевший в сторону. И тут же в полосу света ворвался Костя Таслунов. Быстрый, как молния, он на бегу подхватил портфель и кинулся к борту.

– Стой, буду стрелять! – крикнул по-русски немец в сером плаще, хватаясь за пистолет.

Костя с разбегу швырнул тяжелый портфель за борт, вложив в бросок все силы... Портфель описал дугу, вырвался из освещенного пространства и исчез в забортной тьме...

Теперь Костя торжествующе оглянулся.

– Все в порядке, Василий Иванович! – крикнул он.

Немец в сером плаще уже выхватил пистолет и прицелился.

Всем телом ожидая смертного выстрела, Костя ухватился за поручень, повернулся лицом к врагам, выпрямился.

– Не стрелять! – приказал немец в черном плаще. – Взять живым!

Вооруженные автоматами моряки набросились на Костю, схватили его за руки и, грубо рванув с места, подтащили к

немцу, отдававшему приказы.

Тот несколько секунд пристально разглядывал упрямое лицо Таслунова, потом резко спросил по-русски:

– Ты зачем портфель выбросил?! Там важные документы есть? Да?! Ты знал это?!

Костя не отвечал. Тяжело дыша, бледный, с надорванным рукавом бушлата, он всеми силами старался стоять перед врагами гордо и смело. Унимая внутреннюю дрожь, он оглянулся в сторону Василия Ивановича.

Тот уже поднялся и теперь стоял, зажатый с обеих сторон автоматчиками.

– Держись прямо, мой мальчик! – крикнул Шерстнев. – Ты настоящий моряк!

– Молчать! – повернулся к Шерстневу немец в черном плаще.

– Портфель пытался выбросить за борт я! – продолжал Шерстнев. – Мальчик только помог мне – своему капитану. Он ни при чем. Отпустите его!

– Ага! Так ты – капитан! И тебе помог твой юнга. Он тебе дорог?.. Хорошо. Я отпущу его... туда, куда он скрыл от нас твой портфель!

Немец повернулся к автоматчикам, державшим Костю, и, переходя на свой язык, приказал:

– Выбросить его за борт!

– Стоит ли? – вполголоса сказал немец в сером плаще. – Они все коммерческие. Военных среди них нет.

– Если документы он выбросил, значит, там было что-то важное. И жалеть его нечего: он русский!

Немцы потащили Костю к борту, грубо подталкивая в спину. Костя, сопротивляясь насилию, стал отбиваться от них ногами. Те обозленно тащили, его рывками, осыпая новыми и новыми ударами.

Шерстнев видел тонкую, еще мальчишескую шею и обнаженную голову Кости, вздрагивавшую от каждого удара. Сердце Шерстнева сжалось. «Силенок еще мало, а гордость наша, моряцкая!»

Немцы продолжали тащить Костю. Ожесточенно сопротивляясь, он изловчился и ударил немца локтем в грудь с такой силой, что тот со стоном отшатнулся, а затем в ярости замахнулся на Костю автоматом, но его остановил грозный окрик:

– Не убивать! Бросить живым! – Немец в черном плаще повернулся к другим автоматчикам: – Помогите!..

На Костю набросились еще двое.

– Что вы делаете, изверги! – с силою крикнул Шерстнев. – Остановитесь!

Один из автоматчиков, державших Шерстнева, двинул его автоматом в подреберье. Шерстнев задохнулся от острой боли, но устоял на ногах.

Вчетвером немцы повалили, наконец, Костю на палубу и, схватив за ноги и за руки, начали раскачивать:

– Айн!

- Цвай!
- Драй!
- Ахтунг!..

В луче прожектора Шерстнев поймал взглядом искаженное страхом лицо Кости с плотно закрытыми глазами и стиснутыми зубами.

Подброшенный вверх, Костя перелетел через борт и провалился в ночную тьму, проглоченный kloкочущей бездной океана...

Шерстнева, ослабевшего от удара автоматом и потрясенного жестокой расправой над Костей, грубо втолкнули в тесную освещенную каюту. Там было несколько вооруженных немцев. Они прижали Шерстнева к стене и быстро обыскали. Сорвали с руки часы. Сдернули с шеи шерстяной шарф.

Потом его снова подхватили под руки, вывели из каюты и потащили мимо оружейной башни, между какими-то надстройками – к люку, у которого стояли автоматчики. Один из них открыл крышку, и Шерстнева бесцеременно сбросили в зияющее отверстие...

3

«Кажется, конец...» – подумал Шерстнев. Но чьи-то сильные руки подхватили его на лету.

– Василий Иванович, вы? – услышал он голос Борщенко. – Больше там никого не осталось?

– Там остался Костя... Навсегда остался... – Преодолевая боль в груди, Шерстнев повысил голос и рассказал, как погиб Костя Таслунов...

Установилось тяжелое молчание. Слышались только удары волн в обшивку корабля и стук работающих машин.

– А где раненные? – спросил Шерстнев.

– Их сразу же забрали в корабельный лазарет.

– А у Коли Муратова фашисты нашли Гитлера, – сообщил протиснувшийся к Шерстневу Сережа Степанов. – Наверно, теперь Колю повесят...

– Рисунок, что ли, какой? – забеспокоился Шерстнев.

– Нет, слепил из хлеба.

Шерстнев подозвал Борщенко, и они тихо переговорили.

– Здесь, ребята, придется вести себя осторожно! – строго сказал Борщенко собравшимся около комсомольцам. – Кирилл, где ты?

– Ну зачем тебе Кирилл? – хрипя и шепелявя отозвался Пархомов.

– Что это ты так шипишь?

– Заехал я фрицу в ухо, а он мне ответил в зубы. И другой фрик помог. Расквасили Кириллу нос и губы. Трудно говорить...

– Ну, коли так – молчи. Потом поговорим.

– А мне, сукины дети, ребра наломали. Еле дышу... – поддал голос Кузьмич.

– Скоро людей начнут таскать на допросы... – сказал

Шерстнев. – Пока мы вместе, надо договориться кое о чем...

– Да, Василий Иванович, это важно...

Началась неторопливая беседа. Договаривались, как вести себя на допросах, как лучше поддерживать друг друга в неожиданной беде...

Легкая вибрация двигателей говорила, что корабль идет малым ходом. Вдруг машины еще сбавили скорость. Потом стало необычно тихо – оборвался шум от высокой океанской волны и прекратилась качка. Стало ясно, что корабль вошел в тихую бухту. Вскоре он остановился.

На палубе зашумели, забегали. А спустя некоторое время над люком наклонился немец и крикнул:

– Быстро по одному выходи!

Первым на палубу поднялся Шерстнев. За ним – Борщенко и Рынин.

От люка прожектор освещал проход между двумя шеренгами вооруженных немецких моряков, он вел к сходням на причал, к которому пришвартовался корабль. На причале, так же ярко освещенном, полуколымом стояли автоматчики-эсэсовцы.

– Где наши раненые? – по-немецки спросил Шерстнев стоявшего на палубе морского лейтенанта. – Мы должны их видеть и вынести на берег первыми.

– Видеть вы их не сможете! – ответил немец.

– Тогда мы не тронемся с места! – решительно заявил Шерстнев.

Лейтенант обернулся к немцу в черном плаще и тихо переговорил с ним. Потом сказал, обращаясь к Шерстневу:

– Ваши раненные отправлены на машине в госпиталь. Увидеть их сможете только завтра днем... А теперь быстро сходите с корабля!

– Что делать, Василий Иванович? – спросил Борщенко.

– Будем сходить...

– Товарищи! Можно выходить! – крикнул Борщенко в люк.

Через пятнадцать минут все уже были на причале и выстроились по четверо в ряд.

– Сейчас мы пойдем! – по-русски объявил эсэсовец, стоявший во главе колонны. – Из строя не выходить! Всякому, кто сделает шаг в сторону, расстрел! Кто выйдет на шаг вперед – расстрел! Кто отстанет на шаг – расстрел! Теперь – вперед!

4

Когда Костя Таслунов, выброшенный за борт, рухнул в черную клокочущую бездну, мужественно не издав при этом ни крика, ни стога, – он пережил то, что переживают люди только однажды – в последние секунды своего пребывания на земле...

Ледяная вода обожгла тело. Инстинктивно Костя вынырнул, ударился плечом обо что-то твердое, взмахнул руками

и поймал это твердое, оказавшееся бортом шлюпки...

Приподнятый новой волной, захлебываясь, он с отчаянным усилием перевалился через борт и, глотая воздух, остался лежать, не в состоянии пошевелиться...

Некоторое время он только жадно дышал. Тело сотрясало непрерывной дрожью – и от пережитых секунд перед лицом смерти, и от последнего физического перенапряжения, и от мокрой одежды, и от пронизывающего ветра. С волос на лицо и шею стекали холодные струйки. Зубы начали выстукивать мелкую дробь.

Вдруг Костя сообразил: «Это же наша шлюпка. Скорее перерезать канат. Отплыть от корабля». Дрожащими руками, он полез в карман бушлата, где был нож. Не потерял ли его в схватке? Нет, нож был на месте. С трудом вытащил его и открыл. Ухватился за канат. Скорее! Скорее!.. Наконец-то!.. Теперь за весла!..

Но силы оставили Костю. Неудержимая дрожь колотила все тело. Он добрался до ящиков... Вот и парусина... И сумка Василия Ивановича здесь. Теперь она к нему уже не попадет...

Костя расстегнул сумку и на ощупь стал вытаскивать оттуда необходимые вещи. Все делал торопливо, из последних сил... Развернул парусину, забрался под нее и с трудом стащил с себя одежду, переделся в сухое... Ну, а теперь за весла!

Пока Костя переодевался, шлюпка сначала медленно, а за-

тем, подхваченная ветром, все быстрее удалялась от корабля. И вовремя!.. Луч прожектора, до этого освещавший палубу, перебросился на разгулявшиеся волны и заелозил по шлюпкам с торпедированной «Невы».

Продолжая грести, Костя с замиранием сердца ожидал, что будет дальше. Видимо, немцы обнаружили, что одной шлюпкой стало меньше. Луч прожектора стал зигзагами прощупывать подветренное пространство, быстро приближаясь к беглецу. «Живым меня не возьмут – решил Костя. – Буду отбиваться веслом, пока меня не застрелят». Но, прочертив на волнах еще несколько зигзагов, луч прожектора погас.

Немцы, очевидно, решили, что шлюпку угнал ветер и искать ее в ночной мгле бессмысленно. Управившись с оставшимися шлюпками, они больше не задерживались. Винты корабля заработали, и он, медленно удаляясь, скрылся в ночи.

Дрожа всем телом, Костя осмотрелся... Кругом темным-темно. Нигде ни проблеска. Сверху – низкое небо с тяжелыми, черными тучами; снизу – злые, клокочущие волны. И в этой зловещей тьме, лицом к лицу против свирепой стихии океана, он один! А что может быть страшнее одиночества в трудный час?!

Пережитые рядом со смертью минуты сделали страшное нестрашным. Успокаивая себя, Костя думал: «Теперь у меня вторая жизнь. Страх смерти я уже пережил. Стоит ли чего-то бояться?.. Василий Иванович сказал бы сейчас: „Костя,

возьми себя в руки! Еще не все потеряно!“»

Ледяная ванна и пребывание на холодном ветру в мокрой одежде начали сказываться. И Костя решился... Он снова забрался в сумку Шерстнева и разыскал там в специальном кармане большую плоскую флягу. Отвинтил пробку и понюхал. Да, это разведенный спирт, о котором предупреждал Борщенко. Придется им воспользоваться.

Никогда до этого не употреблял Костя спиртных напитков. Обжигаясь и задыхаясь, он сделал несколько больших глотков. В голове сразу зашумело... Он убрал флягу, надел рукавицы, сел за весла и принялся грести. Работал напряженно до тех пор, пока по всему телу не разлилась теплота. «Ну, а теперь надо поберечь силы для более трудных минут...»

Костя улегся между ящиками, укрылся парусиной и задремал. Шлюпка, предоставленная стихии, подгоняемая усиливающимся ветром, то взлетала, то падала с волны на волну, продолжая куда-то двигаться. Костя целиком положился на милость океана. И даже когда шлюпку сильно швырнуло и его передвинуло ближе к корме, он не встал.

Час или два он пролежал в тяжелой дремоте. Очнулся внезапно, точно от толчка: в беспокойный шум океана врезался призывный звук сирены... Костя рывком сел, озираясь, и сразу же увидел: с наветренной стороны к черным тучам взвилась ракета; острый луч прожектора уперся в облака, пробежал по ним и опустился на горбатые волны, шаря по

ним и передвигаясь вперед.

«Спасательное судно. Ищет нас...» Костя вскочил на ноги, приложил ко рту ладони рупором и отчаянно закричал: «Сюда! Сюда!» Ветер и шум волн придушили крик. Костя понял, что кричать бессмысленно... Но что же делать, чтобы привлечь к себе внимание?..

Ракеты! Их пускал Кузьмич со шлюпки Борщенко. Может, и на капитанской шлюпке есть ракеты? В них – спасение!.. Костя заметался между ящиками и свертками в поисках сумки с ракетами, какую он видел у Кузьмича. Но такой сумки нигде не находилось. В отчаянии Костя ухватился за весла и начал грести к спасательному судну. Но ветер и волны гнали шлюпку в противоположную сторону...

Скоро Костя выбился из сил, хотя и согрелся до пота. Вспышки ракет и зигзаги прожектора прошли мимо, стороной, постепенно скрывшись в ночной темноте...

Долго сидел Костя, обратившись лицом в ту сторону. Еще теплилась надежда: «А вдруг судно вернется?» Слезы медленно ползли по щекам... Озноб снова стал сотрясать все тело. Костя вернулся к ящикам, забрался под парусину и забился в тяжелом долгом сне...

5

Очнулся Костя, когда слышался какой-то грохот... Встревоженный, сразу же сел, осмотрелся. Все вокруг посе-

рело: чернота ночи сменялась рассветом. По-прежнему волны и сильный ветер гнали шлюпку вперед и вперед. А там чернело что-то огромное, длинное... Костя протер глаза, напряженно всматриваясь, и вдруг понял: впереди – земля... Вероятно, тот самый остров, который они рассматривали с «Невы»...

Земля! Земля! Для моряков, потерпевших бедствие, она во все времена была желанной. Хорошая или плохая – всегда служила она опорой. И Косте она предстала такой. На этом, пусть необитаемом, острове можно будет что-то делать, где-то приютиться. Продукты на первое время имеются. Рыбу можно будет ловить. Робинзон прожил на острове двадцать лет. А здесь все-таки не пустыня!..

Никогда еще у Кости не было такого горячего желания жить и действовать. Он ухватился за весла и стал подгребать к острову с таким усердием, что быстро вспотел. Ветер и волны помогали ему, подгоняя шлюпку...

Вскоре Костя уже отчетливо различал высокую линию крутого берега, его выступы, изломы. Могучие волны прибоя наносили непрерывные тяжелые удары по каменным громадам. И с приближением к берегу грохот становился все оглушительнее. «Здесь не пристать! – испугался Костя. – Шлюпку разобьет и меня измочалит...»

Он с трудом повернул тяжелую шлюпку, направляя ее вдоль берега, чтобы выбрать место, где можно причалить. Но что стоит одна пара юношеских рук на тяжелой шлюп-

ке против многосильного прибоя могучего океана?! Шлюпка неудержимо и все быстрее приближалась к берегу. Она уже неслась туда, будто нацелившись на острый угол отвесной скалы с kloкочущим у основания облаком белой пены.

Взгляд Кости был прикован к этому ребристому выступу с бурлящим водоворотом у подножия... В последнем усилии Костя нажал на весла... Шлюпку пронесло мимо каменного острия, и, будто пройдя сквозь скалу, она поплыла по инерции дальше уже без рывков – плавно и медленно.

Приготовившийся к удару о каменный гребень, Костя не сразу понял, что произошло... Почему эта ужасная скала как бы расступилась и теперь оказалась справа и слева? И шлюпка не разбилась, продолжает плыть между скалами? «Шлюпку внесло в фиорд», – догадался Костя. Скала, выдвинувшаяся вперед, была одной из сторон узкого входа в фиорд.

Только что пережитое напряжение, с которым Костя несся на скалу, сменилось у него полным изнеможением.

Выпустив весла, он несколько минут сидел не двигаясь, опустив руки... Затем, встряхнувшись, снова ухватился за весла и повел шлюпку в глубь острова, сопровождаемый грохотом прибоя, переполнявшим каменную теснину фиорда...

Берега фиорда были крутыми и высокими. Лишь изредка попадались узкие террасы, идущие по скалам, и трещины, тянувшиеся к вершинам. Встретился низкий вход в грот. Вода там была спокойна, и Костя, приблизившись, заглянул внутрь. Грот был просторный, с высокими сводами и широ-

кими платформами, которые ступенями поднимались к сводам. Откуда-то сверху падал свет, наполняя грот сумерками...

Дальше встретилось ответвление от фиорда – ущелье, уходящее в сторону. Уже полностью рассвело. Ущелье проглядывалось далеко. Из него можно было выбраться наверх, и Костя решительно свернул туда... А через несколько минут шлюпка уткнулась носом в каменистую отмель, переходившую в безводное русло, усеянное мелким щебнем и камнями... По обеим отлогим сторонам ущелья во множестве выступали каменные карнизы, площадки; чернели входы в пещеры...

Костя выпрыгнул на отмель, удерживая шлюпку за конец каната. Но к чему его прикрепить?.. Простое решение пришло при взгляде на два больших камня, лежавшие рядом. Костя снял весло, положил его за камни и к середине весла, между камнями, привязал канат от шлюпки. Попробовал прочность импровизированного якоря и остался доволен. Теперь можно отправиться на разведку.

Ущелье часто меняло направление, и до конца его Костя не дошел. Пещеры встречались на разной высоте, и в некоторые он заходил. Почти все они имели продолжение в виде узких ходов в разные стороны, заглядывать туда Костя не решался.

По гребню узкой расщелины он взобрался на вершину отвесной скалы, но оттуда широкого обзора не было. Кругом

громоздились такие же серые, скользкие скалы. Дальше от берега, в глубине острова, виднелись более значительные заснеженные возвышенности. Нигде никакой растительности, кроме мхов и лишайника на обнаженных камнях!

Пронизывающий ветер здесь разгуливал с большой силой, подхватывая клочья засохшего лишайника, перемешанного со снегом, шелестел мелким щебнем. Костю вдруг охватило беспокойство: «А если ветер сорвет с места шлюпку и угонит обратно в фиорд и в океан?! В ней же продукты! Да и все, что там есть, важно теперь на необитаемом острове...»

Костя торопливо спустился в ущелье и бегом бросился обратно к шлюпке. Она оказалась на том же месте, покачиваясь под порывами холодного ветра, усилившегося и здесь. «Первым делом надо выгрузить все в пещеру. Потом осмотрюсь!»

Ближайшая пещера, с платформой у входа, была рядом, но имела крутой высокий подход. Небольшая, почти круглая, с ровными сводами; чистая, сухая. В задней стене, над кучей мелкого гравия, темнела узкая щель, уходившая куда-то в сторону. Это Косте не понравилось, и он отправился дальше.

Вход в следующую пещеру был удобнее, но расстояние от шлюпки было порядочное – не менее ста метров. Эта пещера была просторнее, но из нее в разных направлениях было несколько ходов, что еще больше не устраивало Костю. Осматривать другие пещеры он не стал: слишком далеко пришлось бы носить грузы. Остановился на первой. «По-

том найду более удобную...»

Прежде всего Костя поднял в пещеру ящик с Епифаном и снял крышку. Епифан поднял голову, а потом снова уронил ее, продолжая лежать.

– Умучили тебя, Епифан, – посочувствовал Костя и поставил ящик на выступ в стене. – Пока придешь в себя, полежи здесь, повыше. Так ни ты мне, ни я тебе мешать не будем. А потом мы с тобой пообедаем...

На разгрузку шлюпки ушло более двух часов. Когда Костя с трудом поднялся в пещеру с последним свертком, он еле держался на ногах. Очень хотелось есть. С помощью ножа открыл ящик с сухарями и с наслаждением принялся жевать. Сил для поисков другой еды уже не было. Да и Епифан все еще продолжал спать...

На установленные в ряд ящики Костя расстелил парусину, завернулся в нее и под приглушенный шум прибоя, доносившийся от берега, сразу же погрузился в сон. Засыпая, успел подумать, что он, как и Робинзон, устроился пока очень удачно и что необитаемый остров надо будет, назвать островом Спасения.

Костя не знал, что остров уже обитаемый и угрожает Косте такой же смертельной опасностью, как и оставленный им в ночи вражеский корабль. Забывшись в глубоком сне, Костя не мог видеть, как в это время по направлению к ущелью шагал военный в эсэсовской форме с автоматом на груди...

Глава третья

На допросах в ГЕСТАПО

1

Колонна пленников с торпедированной «Невы», окруженная эсэсовцами-автоматчиками, спустилась с освещенного причала. Кругом была крошечная тьма. При свете электрических фонарей конвоиров пленники зашагали по вырубленной в каменистом грунте дороге, поднимавшейся в гору. Затем дорога стала ровной, и через полчаса пленники подошли к подъезду приземистого каменного строения.

У входа горел фонарь и стоял часовой. По его сигналу вышли еще два эсэсовца и широко распахнули двери. Старший конвоир приказал колонне перестроиться по двое и быстро заходить внутрь. Там пленников провели по коридору в большую камеру.

– Разговаривать и шуметь не разрешается! – объявил тот же эсэсовец.

Подошел часовой с автоматом. Тяжелая дверь закрылась. Лязгнул засов. Пленники остались одни.

Камера была просторная. С обеих сторон в три этажа были нары. Под потолком горела тусклая лампочка, огражден-

ная решеткой.

– Здесь друг на друга посмотреть можно! – обрадовался Коля Муратов.

– Свет в первую очередь нужен Кириллу Пархомову, – прошепелявил Пархомов. – У меня есть что почитать.

При тусклом освещении лицо Пархомова было неузнаваемо. Огромная фиолетовая опухоль затянула глаз. Нос и губы распухли.

– Ну и разделали тебя, Кирилл, – поразился Борщенко. – Какие сволочи!.. А что ты хотел нам почитать?

– Сам-то я читать не смогу. Читай уж ты, Андрей Васильевич! – Пархомов извлек из-за голенища аккуратно сложенные листки бумаги. – Вот, посмотри, что я сумел в драке скрыть...

Борщенко развернул листы и посмотрел.

– Откуда такое, Кирилл?

– Это последнее, что я успел принять по радио...

– Ну и молодец... Очень кстати... Товарищи, слушайте последние новости: приказ Верховного главнокомандующего и сообщения Совинформбюро...

Все плотно сдвинулись вокруг Борщенко. Он кашлянул, прочищая горло, и густым шепотом стал читать:

«Приказ Верховного главнокомандующего генерал-полковнику Толбухину, генералу армии Малиновскому... Войска Южного и Юго-Западного фронтов, в результате умелого маневра и

стремительного наступления, одержали крупную победу... Сломив сопротивление врага, наши войска в течение шести дней с боями отбили у немцев и вернули нашей Родине Донецкий бассейн – важнейший угольный и промышленный район страны...»

– Ура! – крикнул Силантьев. – Донбасс – моя родная сторона!

– Тише! – зашипели на него со всех сторон. – Не мешай! Борщенко торжественно, медленно продолжал:

«...В знак торжества по случаю крупной победы в Донбассе сегодня, восьмого сентября, в двадцать часов столица нашей Родины – Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Донбасс от немецких захватчиков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий... Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам!.. Восьмое сентября тысяча девятьсот сорок третьего года».

– Теперь крикнем все вместе! – предложил Борщенко.

– Уррра-ааа!.. Уррра-ааа!.. Уррра-ааа! – дружно прокричали в камере.

Лязгнул засов. Дверь слегка открылась. В щель просунулись автомат и голова встревоженного часового. Коверкая русские слова, он крикнул:

– Сумасшедший русский! Кричать нет разрешается! Все расходиться по разные места!.. Вместе нельзя!

– Закройся! – прохрипел Пархомов. – Дер-ди-дас, кислый квас!

Слова Пархомова вызвали дружный смех. Кто-то лихо свистнул.

Дверь поспешно закрылась. Повеселевшие пленники снова сомкнулись в тесный круг...

2

Утром всех новичков быстро и коротко опросили и заполнили на каждого карточку. Потом начали вызывать на допрос.

Силантьева задержали дольше других, и когда конвоиры толкнули его в камеру, бушлат на нем был разорван и на лице кровоточили ссадины.

– И тебя обработали, Фома? – всплеснул руками Пархомов. – Кто же это так постарался?

– Какая-то рыжая сволочь, власовец!

– Власовец? – Все заинтересованно столпились около Силантьева. Тот, растирая кисти рук со свежими кровоподтеками, продолжал рассказывать: – Стал меня агитировать... Двинул я его в зубастую морду, но неудачно. Помешали. Схватили сзади, руки выкрутили – и в наручники!.. Ну, а потом обработали, сволочи, как хотели...

К Силантьеву подсел Борщенко и стал расспрашивать... Но залязгал засов. Дверь снова открылась.

– Рынин, выходи!

Допрос Рынина затянулся надолго. Прошло не менее двух часов, пока дверь снова открылась. Но Рынина в камеру не вернули.

– Капитан Шерстнев, выходи!

Через несколько минут Шерстнев уже стоял в кабинете, где производились допросы.

Против двери за большим столом сидел гестаповец в черном мундире, с офицерскими знаками различия.

– Ближе! – приказал он конвоирам.

Шерстнева подвели к столу.

– Вы капитан Шерстнев?

– Да, я капитан Шерстнев.

– Вы говорите по-немецки? Очень хорошо. Садитесь! – Гестаповец показал на стул, стоявший у стола.

Шерстнев сел.

– Я оберштурмфюрер Хенке. У меня есть к вам несколько вопросов.

Шерстнев молча ждал.

– Ты, Фридрих, можешь пока сходить в столовую, – повернулся Хенке к переводчику. – Потом возвращайся сюда.

Переводчик сразу же вышел.

– А вы станьте за дверь! – приказал Хенке конвоирам.

Шерстнев и Хенке остались вдвоем.

– Хотите сигарету, капитан? – предложил Хенке, доставая из стола портсигар.

– Я не курю.

– Как хотите, капитан. – Хенке убрал портсигар обратно в стол. – Тогда приступим сразу к делу. Мои вопросы не будут касаться ваших секретов. Я хочу знать только одно: чем занимались ваши люди до войны?..

В ожидании ответа Хенке пристально наблюдал за лицом Шерстнева. Тот спокойно ответил:

– Я подбирал себе моряков и другими профессиями не интересовался, лейтенант.

– Оберштурмфюрер, – поправил Хенке. – Или – обер-лейтенант.

Хенке выдвинул ящик стола и, перебирая личные документы, отобранные у членов экипажа «Нева» при обыске на корабле, небрежно переспросил:

– Значит, вы не знаете сухопутных профессий своих людей?

– Нет, лейтенант, не знаю. Полагаю, что вам проще спросить их самих.

– Ваши люди, капитан, по их словам, до службы на флоте не имели никаких профессий.

– Ну что ж, значит, это так и было, – подтвердил Шерстнев. – Им лучше знать.

– И будто бы они на вашем судне впервые?

– И это верно.

Хенке прищурился и, наклонившись ближе к Шерстневу, вдруг резко спросил:

– А не можете ли вы, капитан, сказать что-либо о практической специальности доктора технических наук Рынина? Чем он знаменит? Чем занимался до сих пор?

– Вот уж чего не знаю, лейтенант, того не знаю. Для меня доктор Рынин был только пассажир. А расспрашивать его о научных делах мне и в голову не приходило. Да это и непосильно для моей старой головы.

Хенке подозрительно посмотрел на седую голову Шерстнева и злобно сказал:

– Перестаньте дурачиться, капитан Шерстнев! Не может быть, чтобы вы не интересовались этим вопросом. И вы расскажете мне все, что вы знаете о Рынине, хотите вы этого или не хотите!

– Мне сказать вам нечего, лейтенант. А ваш тон заставляет меня вовсе прекратить с вами разговор. – Шерстнев встал. – На ваши вопросы я больше отвечать не буду. Прошу вернуть меня к моей команде.

– Теперь это уже не ваша команда, а наши пленники! И вы будете, будете отвечать мне, капитан! Я заставлю вас разговаривать!

Шерстнев молчал.

Хенке резко нажал кнопку звонка на столе – и в комнату немедленно вбежали конвоиры.

Хенке указал на Шерстнева и приказал:

– В карцер!

Охранники набросились на Шерстнева, вывернули ему

руки и, не давая идти, волоком потащили в карцер...

3

Следующим привели на допрос боцмана Кузьмича. Хенке сердито смотрел на его круглую лысую голову, на прокуренные усы-сосульки и не знал, что делать. Переводчик еще не вернулся, а терять лишнее время на допросы этих штатских пленных не хотелось: впереди была запланирована выпивка с капитаном подлодки Рейнером.

– Адольф! – обратился он к конвоиру. – Ты, кажется, понимаешь по-русски?

– Нет, господин оберштурмфюрер! – вытянулся конвоир. – Понимает Ганс.

– А где сейчас Ганс?

– На посту, у камеры.

– Иди смени его. Пусть он немедленно явится сюда!

Через минуту перед Хейке стоял Ганс, польщенный, что он будет выступать в качестве переводчика.

Хенке порылся в документах Кузьмича, отобранных при обыске на корабле, и спросил:

– Фамилия, имя?

– Как твой имя? – перевел Ганс.

– Кузьма Кузьмич Кузьмин.

– Почему три имя? – не понял Ганс.

– Фамильный предок мой, как можно догадаться, был

Кузьма, отец – Кузьма и я – Кузьма. Вот и получается три Кузьмы, – иронически пояснил Кузьмич. – Есть еще и наша фамильная родня – кузькина мать, но ее мы приберегли для вас.

Переводчик опять не понял и долго выяснял фамильную «многоэтажность» Кузьмича.

Хенке рассердился:

– Тебе трудно переводить, что ли?

– Нет, господин оберштурмфюрер. Я просто заинтересовался. У него мать – Кузька, которая хочет к нам...

– Интересоваться тебе не положено! – обрезал Хенке. – Его мать мне не нужна! Переводи сразу. Быстро!

– Слушаюсь, господин оберштурмфюрер! После этого работа переводчика пошла аллюром.

– Спроси, что он знает о докторе Рынине! – приказал Хенке. – И пусть рассказывает все-все! Предупреди!

– Ты доктор Рынин знать? – спросил Ганс. – Говори много! Все!..

– Каждый знает доктора, когда у него лечится. А я разве лечился? У меня лишь однажды, еще во времена нэпа, заболел зуб. Доктор глянул – надо лечить. А я говорю – нет! Рви! Доктор вырвал мне зуб, здоровый зуб... Вот и все мои болезни. Если бы доктор у каждого из нас в жизни вырывал только по одному зубу, пришлось бы доктору сидеть без штанов и класть зубы на полку. Или навсегда бросить свои щипцы и наши челюсти и удариться в другую профессию... Это –

о докторе. А Рынин – наука, мне там ни в зуб ногой... Мне говорить о нем – это лезть головой в темный колодец... Да и когда мне было ходить к доктору или к Рынину? А за хозяйством кто бы стал смотреть? Доктор? Рынин? А в хозяйстве у нас – и швабры, и метлы, и тряпки... И все чтобы было чисто, чтобы все было надраено и блестело... Нет, ни медицина, ни наука не по моей части!

Ответив так обстоятельно, Кузьмич замолчал и презрительно посмотрел на Хенке.

Ганс моментально отцедил те слова, какие понял, выстроил их в ряд и отрапортовал:

– Он, господин оберштурмфюрер, говорит, что Рынин вырвал у него здоровый зуб. И у каждого вырывал по одному здоровому зубу. И еще Рынин следил за хозяйством, чтобы щетки и тряпки были чистыми.

– А ты точно перевел? – усомнился Хенке.

– Совершенно точно, господин оберштурмфюрер! – испугался Ганс.

– Впрочем, возможно, Рынин для маскировки перед командой и значился на судне врачом, – заметил Хенке. – Но ты не все перевел. Он говорил много. Что еще он сказал?

– Он говорил еще, что доктор Рынин рвал зубы сидя, без штанов, сразу же клал зубы на полку и всегда бил щипцами по челюсти. А его Рынин ударил в зубы ногой.

– Очень странно, – пожал плечами Хенке. – Что бил щипцами и ногой – это понятно. Но... без штанов и... зубы на

полку – непонятно, очень непонятно.

Хенке подумал, пронзительно посмотрел на спокойного Кузьмича и задал новый вопрос:

– Что говорили о Рынине в команде?

– Что Рынин в команда говорить? – перевел Ганс.

– Случалось. Разговаривал с нами. О науке. У него ведь черепная коробка наполнена хорошо. Не то, что у некоторых других, – покопаться не в чем... – Кузьмич при этом выразительно поглядел на переводчика и Хенке, ясно давая понять, чьи черепа он имел в виду.

– Он говорит, господин оберштурмфюрер, что у Рынина была полная коробка с черепами... Он их где-то выкопал...

– Странно, странно, – поразился Хенке. – Гмм-м... Что же он – археолог, что ли?.. А может, они вскрывали могилы расстрелянных нами?.. Но если он врач, то как же он может быть доктором технических наук?.. Нет, путает что-то этот старик! Спроси у него, Ганс, где Рынин выкопал эти черепа?

– Где доктор так много это черепа копал? – спросил Ганс. – Полный коробка черепа?

Кузьмич несколько минут смотрел на немца с недоумением, потом вдруг рассердился:

– Хочешь, чтобы я на Рынина наклепал что-то? Собака! Прохвост! Да я за Советскую власть и за своих людей уже три раза кровь проливал! И под русским флагом я седым стал, когда ты еще на горшке сидел!.. – Кузьмич немного успокоился, расправил усы-сосульки и добавил: – Да ты, голуба,

большой прохвост...

Ганс, выслушав горячую филиппику Кузьмича, понял ее с пятого на десятое и замялся...

– Он, господин оберштурмфюрер, что-то заговаривается...

– А все-таки что он сказал? Переведи! – приказал Хенке, заметив сердитое выражение на лице Кузьмича.

– Он, господин оберштурмфюрер, говорил, что из-за Советской власти ему, уже седому, три раза кровь выпускали... А доктор Рынин что-то приклепал к хвосту собаки...

– Ага! Старик, стало быть, пострадал от Советской власти... Так!... Поэтому он, возможно, заговаривается... А еще что он сказал?

– Вас, господин оберштурмфюрер, назвал голубем с большим хвостом...

– Гмм-м... Да, он и впрямь заговаривается...

Гестаповец еще раз внимательно посмотрел на Кузьмича. Тот уже опять был спокоен.

– Хватит ему вопросов! – решил Хенке и приказал конвоирам: – Отведите его обратно в камеру и приведите... – Хенке посмотрел в бумажку, заранее приготовленную ему переводчиком, который возился со всеми отобранными документами. – ... приведите сюда Борщенко!

Кузьмича увели, а в кабинет, предварительно постучав, вошел длинный тощий охранник, с узким лицом и тяжелой челюстью. На фуражке у него виднелась трехцветная кокар-

да власовца. Он остановился у порога и вытянул руки по швам.

– Вы меня вызывали, господин оберштурмфюрер? – по-немецки спросил он.

– Да, Шакун, ты мне нужен. Подойди ближе!

Шакун быстро подошел к столу, неуклюже щелкнул каблуками и почтительно наклонил рыжую голову...

4

Когда Борщенко ввели к оберштурмфюреру Хенке, там еще был Шакун. Увидев Борщенко, власовец удивленно вытаращил глаза и медленно пошел навстречу.

– Черный ворон? Ты ли это?! Ну и встреча, черт меня сожри! Бывает же...

Шакун завертелся около Борщенко, разглядывая его со всех сторон и все более расплываясь широкой зубастой улыбкой.

– Почти не изменился! – продолжал он. – А ведь, почитай, два года прошло с тех пор... с Киева... Да что ты так уставился на меня?! Неужто не узнаешь?.. Я – Федор Шакун... Помнишь, познакомились с тобой в бане, из-за твоего водяного с рогатиной?.. Ну, ты еще потом два раза брал меня на свои операции...

Борщенко мучительно передернулся и медленно огляделся, выискивая, чем бы расколоть голову предателю.

А Шакун продолжал:

– Ну, не кривись. Раз не нравится – не буду. Мне рассказывали, что не любишь ты разговоров о таких делах... А на этих не обращай внимания... – Власовец кивнул в сторону гестаповца и конвоиров. – Они по-русски не понимают ни слова!.. А как ты по-немецки? Попрежнему ни бум-бум? Ага? Ну, а я уже калякаю по малости... Погоди, вот я сейчас...

Шакун повернулся к Хенке и по-немецки объяснил:

– Господин оберштурмфюрер, он один из наших... В Киеве был старшим в зондеркоманде... Его сам генерал Власов принимал... Он два раза брал меня на операции...

Хенке заинтересованно посмотрел на Борщенко.

– А как его звать? – спросил он Шакуна.

– Имя у него было Павел. Фамилию забыл. В Киеве его прозвали Черным вороном...

Заинтригованный Хенке сделал знак конвоирам, и они вышли.

– Зитц маль! – пригласил гестаповец.

– Садись, Павел! – перевел Шакун.

– Ви хает ду ауф дизер шифф бештейген?

Борщенко молча в упор рассматривал гестаповца.

– Он, господин оберштурмфюрер, кроме русского, ни к какому языку не приучен, – пояснил Шакун. – А на советское судно попал специально... Он – бывший моряк. Его забрали тогда из Киева для отправки в тыл к коммунистам. На флот.

По заданию...

– По какому заданию? – заинтересовался Хенке... – Это важно. Спроси у него.

– Павел, ты по какому заданию очутился на судне?

– По особому, – выдавил Борщенко, соображая, как вести себя дальше, и решив не выдавать свое знание немецкого языка.

– Спроси у него, Шакун, в чем состояло это задание?

– Павел, оберштурмфюрер интересуется, какое это было задание?

– Я не могу отвечать на этот вопрос! – твердо сказал Борщенко, понемногу приходя в себя и решая использовать роль, так неожиданно ему навязанную. – Скажи, что не могу об этом говорить!

– Он не может говорить! – коротко перевел Шакун. – Особое задание, господин оберштурмфюрер...

Хенке понимающе кивнул и задумался, внимательно разглядывая богатырскую фигуру Борщенко.

Воспользовавшись паузой, Шакун спросил:

– А что это у тебя, Павел, голос вроде изменился? И слова стал растягивать?

– Контузило меня, – нашелся Борщенко.

– Аа-а-а, – удивился Шакун. – Кто же это тебя? Свои или чужие?

– Свои, – продолжал сочинять Борщенко, не представляя, кого Шакун понимает под своими, кого под чужими.

В разговор снова вступил Хенке:

– Спроси его, Шакун, куда направлялось судно?

Борщенко отвечал осторожно и не сразу, пользуясь временем, которое занимал Шакун на переводы.

– Куда направлялось судно – неизвестно. Никто из команды этого не знал.

– А капитан?

– И капитан не знал.

– А это точно? Шакун, повтори вопрос!

– Абсолютно точно! – уверенно подтвердил Борщенко. – Мы следовали по курсу, который постепенно менялся сопровождавшим нас сторожевым кораблем.

– Ага... Так... Похоже – искали новый, обходной путь в Англию? Спроси, Шакун, он давно знает капитана?

– С ним я в первом рейсе.

– А команду?

– Команда вся новая, сборная. Я знаю людей только по фамилиям. Они сами только познакомились...

– Гм-м... – Хенке опять задумался. – Вероятно, так подобрали команду нарочно... На случай, если она попадет в плен...

– Очень вероятно! – подхватил Борщенко. – Поэтому и мне удалось к ним попасть...

– Знаешь ли ты, кто из команды коммунист?

– Было два. Оба погибли во время взрыва.

– А капитан?

– Он беспартийный.

– Как это может быть? – Хенке недоверчиво посмотрел на Борщенко.

Тот невозмутимо продолжал:

– Он старик. Был капитаном при царе. Поэтому беспартийный.

Гестаповец озадаченно потер нос.

– Ага... Может быть, поэтому капитану и не доверяли маршрут судна... Так, так... Спроси, Шакун, хорошо ли он знает Рынина?

– Знаю недавно. Только с этого рейса.

– А капитан?

– До встречи на судне и он Рынина никогда не встречал.

– Правда ли, что Рынин числился на судне врачом и каждому из команды вырвал по одному зубу? – продолжал допытываться Хенке.

Потрясенный нелепостью вопроса, Борщенко с трудом сохранил спокойствие.

– Этого не было! – коротко ответил он.

– А у него была коробка с человеческими черепами?

– На судне не было ни одного черепа! – твердо отрубил Борщенко.

– Этот Старик боцман все наврал! – сердито бросил Хенке и приказал: – Спроси, Шакун, все ли на судне были здоровы?

Пока Шакун переводил, Борщенко лихорадочно соображал: «Неужели Кузьмич нагородил о Рынине всю эту ахинею

из желания запутать гестаповцев? Но так он может закопать Рынина в могилу...»

– На судне все были здоровы! – четко ответил Борщенко, а затем, как бы сомневаясь, неуверенно добавил: – Иногда только старый боцман заговаривался... Но это у него быстро проходило. Вообще он здоров...

– Ага! – довольно воскликнул Хенке. – Я сразу раскусил, что старик заговаривается. Но тут его быстро приведут к разуму!.. Спроси, Шакун, известно ли ему, не занимался ли доктор Рынин каким-нибудь строительством?

– Об этом на судне никаких разговоров не было.

Гестаповец разочарованно поджал губы.

– Жаль. Тебе это надо бы знать.

– Мне это было ни к чему.

– Ну ладно. О Рынине мы еще выясним...

Гестаповец задумался: «А этот агент с судна как будто ценный тип. Сразу пролил свет на неудачи сегодняшних допросов...»

– Спроси, Шакун, как он хочет; вернуться под конвоем в камеру, как бы с допроса, или остаться с нами?

– Павел! Как тебе лучше: остаться у нас или вернуться под конвоем туда?

– Мне надо туда! Мне надо быть там!

– Он должен быть там! – перевел Шакун.

– А зачем ему надо туда? – продолжал спрашивать Хенке.

– Павел, за каким чертом тебе туда нужно?

– У меня там есть свои люди... – объяснил Борщенко.
– И много? – спросил Хенке, выслушав Шакуна.
– Трое! – продолжал импровизировать Борщенко.
– Ага, это хорошо. Вернись туда и дай им задание срочно выявить, кто из русских работал на строительстве метро... Заодно пусть заметят и тех, кто работал в шахтах... Понял?
– Чего здесь непонятного? Все ясно! – подтвердил Борщенко. – В Москве и Ленинграде – на метро; в Донбассе и Кузбассе – на шахтах. Яснее ясного!
– Ну, вот и хорошо! А теперь, Шакун, можешь пройти с ним в буфет и угостить хорошенько... Потом пусть его доставят обратно в камеру под конвоем, как всех... Мы его через три дня вызовем... Будет работать у нас!

5

Шакун и Борщенко уединились в буфете. Перед ними стояли еда и вино.

Шакун мало ел, время от времени потирая распухшую скулу, и много пил не пьянея – и говорил, говорил...

– Угощайся! Ты, кажется, любил пожрать!.. Я тут на хорошем счету... И заработок приличный... Но в команде охранников из наших я один! Хорошо, что теперь вместе будем... А то – язык наломал: не с кем душу отвести по-русски... С пленными не разговоришься... Того и гляди – прихлопнут...
– А что здесь такое? – спросил Борщенко.

– Ты разве не знаешь?

– Откуда мне знать. Я ведь попал сюда этой ночью и случайно...

– Да-да, совсем забыл... Тут, Павел, дело большое... Важное строительство. А работают военнопленные... Особый лагерь...

– Но где же мы находимся?

– Вот чего захотел! А дьявол его знает, где!.. На острове – и это все, что известно... Ясно только, что у черта на куличках.

– Неужели нет у острова названия? Как-нибудь зовут же его...

– Пленные, Павел, зовут его островом Истребления. А наши никак не зовут... Остров – и все... Но ты не думай, что тут работы мало... Тут, брат, такие дела разворачиваются, что будет жарко... – Нагнувшись к Борщенко ближе, Шакун ощерил большие желтые зубы и заговорил тише: – Тут у славян заговор... Готовится побег... Я – в курсе.

– Что значит – у славян?

– Ну, у русских и других, родственников... Главный у них – Смуров. Но он не один. У них – комитет. Я – в полном курсе. Мы потом их всех накроем и главарей повыдергаем... Вот когда потешусь досыта!..

Борщенко сжал челюсти, чтобы сдержаться.

– Что с тобой? – удивился Шакун, видя, как передернулось лицо Борщенко.

– Зуб схватило, – процедил тот.

– А-а-а! Рассказывали, что ты зубами полтинники перекусывал. Попортил, что ли?

– Да... А много обо мне в Киеве слухов ходило?..

– Неужто не знаешь?

– Кое-что, конечно, знаю, но не все... Интересно, что приходилось слышать тебе?

Шакун долго и восторженно рассказывал, какими легендами среди власовцев было окружено имя Черного ворона в Киеве... Борщенко слушал с отвращением, но внимательно, запоминая все, что относилось к его кровавому двойнику...

– Ну, а знаешь ты мою настоящую фамилию?

– Нет. Уж больно ты, Павел, засекретил себя...

– Ну, а где я родился? Сколько мне лет?

– Откуда мне знать... Ведь всего три раза я с тобой и встречался близко. А сам ты о себе ничего не рассказывал. Называли и твою фамилию, но я забыл... Говорили, будто у тебя есть родственники в Харькове... Правда это?

– Может быть... – Борщенко неопределенно пожал плечами. – А от начальства обо мне никогда ничего не слышал? Как оно относилось ко мне?

– Этого не знаю... Майор Кунст со мной ни разу не разговаривал. А капитан Мейер – тот только рычал всегда...

Борщенко помолчал, запоминая фамилии...

– А что же ты не выпил и рюмки? – подозрительно спросил Шакун. – Подменили, что ли, тебя?

– Мне нельзя пить! Вернусь в камеру, и вдруг – выпивши. Откуда?..

– Ах, да-а... Ты вперед смотришь... – Шакун снова потер скулу. – А мне сегодня один из твоей камеры в морду заехал!..

– Ну, мне, пожалуй, пора, – забеспокоился Борщенко, не слушая. – А то расспросов не оберешься...

Шакун ословело посмотрел на Борщенко.

– Да, да... Пить пей, а дело разумеи...

– Мне надо в камеру, Федор. Пошли!

– В камеру? А ты слышал мои слова? Меня один из этих сегодня в морду двинул! Понимаешь – меня! Но завтра он узнает, что значит ударить Федора Шакуна!..

– Нельзя его трогать! – строго сказал Борщенко.

– Почему нельзя?! – Шакун ударил кулаком по столу. – Я не могу не рассчитаться с ним! Понимаешь, не могу!

– Нельзя! – решительно повторил Борщенко. – Он мне нужен.

– Но я оставлю ему кусочек жизни! – Шакун стиснул руку Борщенко. – Оставлю... ради тебя...

– Говорю – нельзя, и все! – металлическим голосом отрубил Борщенко. – Особое задание, Федор. Понимать надо!

Шакун замолчал. Сейчас он почувствовал того самого Черного ворона, который, как о нем говорили, не терпел возражений. И Шакун смирился.

– Ну, пошли, коли так! – сказал он, вставая из-за стола.

Пока Борщенко и Шакун были в буфете, на допрос к Хенке привели побледневшего Колю Муратова.

Зловещая фигурка палача Гитлера стояла на столе, и свирепые взгляды Хенке на беззащитного Муратова не предвещали ничего хорошего.

Переводчик уже вернулся, стоял у стола.

– Это твоя работа? – мрачно спросил Хенке.

– Да. Это сделал я.

Нарушая полученные им советы, как вести себя на допросе, Коля не стал отказываться от того, чем гордился.

Он понимал, что теперь вряд ли уже вернется к товарищам. Было жутко, сердце тоскливо щемило...

Однако заняться Муратовым Хенке не пришлось. Дверь распахнулась – и в комнату шумно вошел заметно подвыпивший командир подводной лодки лейтенант Густав Рейнер...

Он только что вернулся из похода. Пришлось ему пережить тяжелые минуты... Глубинная бомба советского сторожевика, охранявшего караван, повредила центральный отсек подлодки, и она с большим трудом добралась до острова.

От радости, что он остался в живых, лейтенант Рейнер уже с утра нагрузился вином и сейчас был навеселе... Он тяжело прошел до середины комнаты и осмотрелся...

– А ты все еще возишься с русскими свиньями? – спросил

он у Хенке. – Рубить им головы! Вешать! Стрелять! Жечь!.. Никакой пощады! За один только Сталинград их надо давить и давить! – Рейнер уставился на Муратова и начал медленно расстегивать кобуру. – Русский?! – Его я сейчас пристрелю, чтобы тебе не задерживаться с ним... Ты мне срочно нужен... Ээ-э!.. А что это у тебя?..

Рейнер оставил кобуру в покое, подошел к столу, взял фигурку Гитлера и с интересом стал ее рассматривать со всех сторон.

– Прекрасная работа! Вот истинный фюрер!.. Великолепно!.. – Он прочел внизу русскую надпись тушью: «Путь к господству» – и еще более восхитился: – Замечательно схвачено, в чем наша сила! Именно этим путем и придем мы к победе! Через кровавое истребление всех, кто мешает нам!.. Кто это сделал?

Хенке молча кивнул на Муратова.

Рейнер недоверчиво глянул на гордо стоявшего между конвоирами юношу и, обращаясь к Хенке, воскликнул:

– Ты его пока не трогай! Сначала он вылепит меня, как и фюрера. А потом я поупражняюсь на нем в стрельбе из пистолета... Ну, поехали!

Хенке стоял в раздумье... Ему надоели ничего не дающие допросы гражданских пленных. Возиться с ними не было смысла. Всем им – один и тот же путь: работать до истощения и – в яму!.. И Хенке решил:

– Ганс! Отведи этого обратно в камеру!

В кабинет вошел помощник Хенке – унтерштурмфюрер Штурц. Хенке коротко переговорил с ним, затем вызвал дежурного по канцелярии и приказал:

– Напиши направление, вызови конвой и всех новичков русских отправить в славянский сектор.

– Слушаюсь, господин оберштурмфюрер! А как быть с теми, которые в карцере?

– Ученого оставить, а старика капитана вместе со всеми – в лагерь.

– Слушаюсь!

– Да, еще одно! – Хенке глянул на бумажку. – Борщенко – он сейчас с Шакуном – тоже задержать до моего возвращения. Он мне понадобится.

И Хенке вместе с покачивающимся Рейнером вышли из комендатуры.

У подъезда их ожидала машина.

Глава четвертая

Остров истребления

1

Если бы остров не был вечно затянут низкими тучами и туманом и была бы возможность осмотреть его сверху, двигаясь с юга на север, то прежде всего можно было бы увидеть бухту, закрытую скалами со всех сторон, превращенную в удобную гавань.

Справа от бухты, на мысе, образующем юго-восточный угол острова, торчали мачты радиостанции и метеорологическая вышка. Слева от бухты, между скал, в двух соседних глухих ущельях, теснились бараки лагеря заключенных – военнопленных и антифашистов; в одном ущелье – «славяне», в другом – «западники».

Севернее бухты, на расстоянии немногим больше километра, в глубине острова, в окружении скал, в небольшой долине размещался так называемый «Центр» – управление островом и всеми работами на нем. Здесь, в правой половине долины, были канцелярия коменданта острова – штандартенфюрера Реттгера, комендатура гестапо и каземат. В левой половине – столовая, казарма для охранников «Центра»

и госпиталь. В стороне, у самого входа в долину (со стороны гавани), приютился у скалы телефонный коммутатор.

Еще выше на север, в двух километрах от «Центра», за скалами и сопками, в другой долине, находились казармы эсэсовских команд, обеспечивающих охрану всего острова, обоих секторов лагеря заключенных, строительства и наблюдение за дорогами острова.

Главная дорога острова напоминала треугольник, основание которого проходило по южной окраине острова, отделяя «Центр» от гавани, а стороны, поднимаясь на север, соединялись вершинами у эсэсовских казарм. От казарм шла еще одна дорога. Она, по кратчайшему расстоянию, через ущелье, опускалась к «Центру», а оттуда, пересекая основание дорожного треугольника, – к бухте.

От главной дороги имелись отростки: к лагерным ущельям, к гаражу, находившемуся недалеко от лагеря, к арсеналу, разместившемуся ближе к гавани, к району строительства и к мысу. Эти немногочисленные и короткие коммуникации полностью обеспечивали быстрые связи эсэсовской охраны со всеми действующими пунктами острова.

«Остров Истребления!» Всего два слова. Но они точно отражали положение заключенных на острове. Каторжные работы, скверное питание (особенно для заключенных «славянского» сектора), холод и жестокое обращение быстро выматывали силы людей, и смерть хозяйничала здесь свободно и беспощадно.

Издевательства и расстрелы были здесь обычным явлением. Не так повернулся – удар. Дерзко ответил – избиение. Ослабел и отстал – расстрел. Упал от истощения – расстрел, шагнул в сторону – расстрел. Смерть стояла рядом с узником всегда, когда около находился эсэсовец.

Бывали случаи, когда отчаявшийся человек сам шел на конвойного – и тот убивал его короткой автоматной очередью.

Попыток к бегству с острова не было. Куда бежать? Кругом – свирепый океан. А внутри острова – безлюдие, заснеженные вершины, голые скалы и ущелья, с осыпями и пещерами, которых было здесь множество. Конечно, для беглеца не составляло труда спрятаться в одной из таких пещер, но сделать это можно было только для того, чтобы умереть там в одиночестве...

Поэтому лагерный режим здесь отличался от того, который был в лагерях на континенте. Здесь не было собак. Меньше было эсэсовцев. Не практиковались ежедневные переклички с мучительными выстаиваниями на холоде. Счет заключенных здесь сводился к тому, чтобы количество вышедших на работу совпадало с количеством возвращающихся с работы, за вычетом умерших и расстрелянных в течение дня. Переклички производились только раз в неделю. Это совпадало с днем проверки картотеки на заключенных в лагерьной канцелярии: карточки на мертвых переставлялись в другие ящики... Заключенных здесь не стригли. Полосатой

одежды им не выдавали. Каждый до полного износа пользовался тем, в чем он сюда прибывал...

Не лезли по каждому поводу эсэсовцы и внутрь лагеря. Особенно они опасались заходить в «славянский» сектор. В темноте это было для них опасно: могли и не вернуться. И такие случаи бывали, несмотря на то, что в порядке ответной репрессии эсэсовцы производили массовые расстрелы заключенных...

На первых порах существования лагеря к внутрилагерному самоуправлению заключенные не немецкой национальности не допускались. Староста лагеря, старосты барачных, постоянные дневальные по барачным и лагерным полицейские (капо) были из «зеленых» – отпетых и жестоких немецких уголовников, специально для этой цели привезенных на остров. Но заключенные их быстро истребили. И позднее администрация острова вынуждена была примириться с переходом лагерного самоуправления в руки самих узников, – все равно они были обречены.

Эсэсовские надзиратели следили, главным образом, за тем, чтобы заключенные на работе выполняли задания. Нужно было работать и работать. А смерть все равно поджидала каждого впереди. И пока человек приближался к ней, палачи старались выжать из него все, что он мог дать.

И люди гибли быстрее потому, что не было просвета, не было надежды на будущее...

Но быстро сложившаяся подпольная организация заклю-

ченных повела борьбу с настроениями мрачной обреченности и безысходности, начала осторожную подготовку к восстанию и побегу.

Эта цель побудила людей к действию, к борьбе за жизнь, влила в измученные сердца надежду, которая с первыми вестями о победах над немецко-фашистскими завоевателями разгорелась с неудержимой силой...

Новые радостные известия с Родины привезли в лагерь пленники с «Невы». Но сейчас они под конвоем автоматчиков еще только шли к месту своего заточения – в «славянский» сектор лагеря.

2

Шагали молча, внимательно примечая все, что встречалось на пути, что можно было разглядеть при сером свете короткого полярного дня...

Кругом было хмуро и пустынно. Быстрые низкие тучи то и дело напарывались на высокие сопки и скалы. Кое-где виднелись ледники, спускавшиеся с острых вершин. По дороге, завихряясь, мела поземка.

Вскоре колонна свернула с дороги в ущелье и подошла к одноэтажному каменному зданию, перегораживавшему ущелье во всю его ширину – от скалы до скалы.

Это были блок-пропускник и лагерная канцелярия – «шрайбштубе».

Здание было низкое, но задняя глухая стена его, обращенная внутрь лагеря, была очень высокой. На стене, посередине, была пристроена полузакрытая платформа с пулеметами и прожекторами. Там же находился и часовой. Оттуда просматривалась вся территория лагеря. Такие же платформы были и по обеим концам стены, у скал. Между платформами, поверх стены, тянулись ряды колючей проволоки...

Формальности по приему вновь прибывших были короткими. Открылись широкие двери, всех впустили в просторный «приемник»... Вскоре у каждого на груди висел личный номер – «инвентарный» номер заключенного... Всех опять построили и вывели к глухим железным воротам с крупной надписью: «Труд дает освобождение». Тяжелые ворота, разделявшие здание на две половины, распахнулись, и пленники вступили в «славянский» сектор лагеря...

За воротами, сразу закрывшимися, прибывшие остановились. Здесь их уже ожидала группа лагерников. Серые, истощенные лица их светились радушием.

– Горячий привет, товарищи! – Впереди стоял коренастый заключенный, с крупным остроскулым лицом, густыми бровями и пронизательными глазами. – Мы рады помочь вам, чем возможно, – продолжал он. – Я староста лагеря Смуров. А это – старосты барачных и дежурные. Знакомьтесь и рассказывайте, что делается там, на Родине... А вашего старшего прошу подойти ко мне...

Строй рассыпался. Все смешались, и началась беседа. Во-

просы сыпались без конца.

– Значит, мы больше не отступаем?

– Нет. После разгрома фашистов под Курском и Орлом мы теперь наступаем по всему фронту – от Великих Лук до Черного моря!

– А как на юге?

– Донбасс освобожден. Продвигаемся к Днепру.

– Хотя бы издали глянуть на нашу газету!

– Есть и газета. Но прежде держите последнюю сводку!..

Кто будет читать?

– Пусть читает Медведев!

– Нет, пусть Яковлев! У него голос яснее...

Руку протянул суровый бородач в рваной шинели. Он взял от Пархомова сводку и стал читать:

«За два месяца летних боев, с пятого июля по пятое сентября сего года наши войска на всех участках фронта уничтожили: самолетов противника – пять тысяч семьсот двадцать девять, танков – восемь тысяч четыреста, орудий – пять тысяч сто девяносто два, автомашин – более двадцати восьми тысяч. Потери противника убитыми составляют более четырехсот двадцати тысяч солдат и офицеров. Всего же в боях с пятого июля по пятое сентября выбыли из строя (убитыми и ранеными) не менее полутора миллионов солдат и офицеров... За это время наши войска захватили...»

Прочитав данные о трофеях и пленных, Яковлев остано-

вился.

– Все!

– Ну, а теперь дай мне! – потребовал Медведев. Он приблизил бумажку к глазам и стал всматриваться в слова и цифры, точно не веря самому себе, что он читает настоящую сводку Совинформбюро.

Медведев улыбался, губы его дрожали, и вдруг по его щекам поползли крупные слезы.

– Да ты что, Варфоломей! И не стыдно? – укоризненно сказал Яковлев. – Перед новыми товарищами. Они подумают, что мы здесь совсем раскисли!..

– Извините, товарищи! – Медведев стал вытирать слезы ладонью. – Я тоже хочу прочесть вслух эти слова и цифры... Вы не против?

– Читай, Варфоломей, читай! – поддержали его товарищи.

Шерстнев подошел к Смурову, но того отозвал в сторону один из его помощников, высокий, с огромными глазами – от худобы. Он быстро сообщил что-то Смурову, Смуров кивнул, коротко оглянулся на Шерстнева и вернулся к нему.

– Идите за мной.

3

Они двинулись в глубь лагеря, к баракам.

– Как тесен мир, – заговорил на ходу Смуров. – И как много в мире случайностей, товарищ Шерстнев...

Шерстнев остановился и в упор посмотрел в лицо Смурова.

– Вы меня знаете?

– Нет. Вас узнал один из наших узников, он слышал ваше выступление на партактиве.

– Какое выступление? Где? Когда?

– В Мурманске. В мае сорок первого. Вы рассказывали о ваших встречах с Лениным...

Шерстнев нахмурился, припоминая.

– Мало ли что могло показаться вашему ретивому доносчику, – холодно сказал он.

Смуров улыбнулся.

– Пошли дальше, товарищ Шерстнев. Стоять так в стороне и разговаривать здесь нельзя. А вашу осторожность я понимаю: я же староста лагеря! Но наш успех именно в том, что все лагерное самоуправление теперь в наших руках.

Смуров провел Шерстнева в укромное место – в кладовую восьмого барака, и там они долго беседовали с глазу на глаз. Каждый узнал, что ему надо было узнать, и они разговаривали уже не таясь.

– Надеюсь, вам теперь ясно, куда вы попали, Василий Иванович? И что нас ожидает? И к чему мы сейчас готовимся?

– Это ясно, товарищ Смуров. Но, если возможно, расскажите полнее о тайнике. Что он собой представляет?

– Это, можно сказать, целый подземный квартал. Обширный комплекс пещер. Они тщательно расчищены, выровне-

ны, укреплены балками, где надо. Соединены ходами. Действует вентиляция. Пока они пустые. Кроме вместительных шкафов, оборудованных ниш и множества стеллажей, там сейчас ничего нет. Для чего создан этот огромный тайник? Вот первая загадка, Василий Иванович.

Шерстнев слушал не перебивая.

– Но это еще не все, – продолжал Смуров. – Имеются пещеры, явно предназначенные для жилья. Стены там обиты деревом, как и потолки. Паркетные полы. Пробиты два особых выхода на поверхность, где они искусно замаскированы. Есть подсобные помещения. Словом, готовится что-то вроде подземного особняка. Для кого? Вот вторая загадка.

– Загадка важная, – согласился Шерстнев.

– И это еще не все, Василий Иванович. Сейчас ведутся тяжелые и сложные работы в трех больших полуподводных гротах. Их приспособливают для скрытой стоянки подводных лодок. Один грот уже готов. Вот вам третья загадка.

– Строительство гротов – последнее подземное строительство?

– Видимо, да. Нам стало известно, что по окончании этих работ будут разобраны все наземные сооружения на острове, даже причал.

– Уничтожение следов?

– Несомненно.

– А сроки этих работ установлены?

– Узнать сроки пока не удалось. Эти сроки – и наши сроки,

Василий Иванович.

– Как вас понимать?

– Уничтожать будут не только следы, но и лишних свидетелей, даже своих. А в первую очередь истребят поголовно всех заключенных. Каждый из нас не просто узник, а «ге-хаймтрегер» – «носитель тайны». Поэтому наша задача – опередить эти сроки.

Оба помолчали.

– Есть у вас еще вопросы?

– Нет. Сегодня их было более чем достаточно.

– Теперь, Василий Иванович, у меня есть к вам... не вопрос, а просьба...

– Слушаю.

– Вы должны нам помочь. Вы прошли школу подполья еще при царизме. Нам нужен ваш опыт.

– Слишком различно все, товарищ Смуров... И обстановка, и конкретные задачи.

– Так и нет ничего общего?

– Общее есть, но оно действительно слишком общее. Это – необходимость обеспечить строжайшую секретность и высокую организованность всего дела.

– Но именно это и остается для нас главным гвоздем. Как без этого создать боевые группы, сочетая массовость участников и полную тайну их подготовки?

– Есть здесь для этого благоприятное обстоятельство, – сказал Шерстнев, подумав. – Основная масса заключенных

– военнопленные.

– Имеются даже командиры с военным образованием.

– Трижды важно, – продолжал Шерстнев. – Привычка к дисциплине, военные знания и боевой опыт.

– Но нам нужен и опыт подпольной работы. И в этом вы должны нам помочь.

– Обо мне нет надобности и разговаривать. Я полностью в распоряжении комитета.

– Все, договорились! Теперь о ваших делах. Почему задержали Борщенко и Рынина, мы будем знать завтра.

– Вы мне сообщите, как только узнаете что-либо?

– Обязательно. Но хорошего не ждите. Гестапо для добрых дел не задерживает. Меня беспокоит и ваше положение.

– Чем же это?

– Как могло гестапо выпустить из своих лап такого пленника, как вы, капитана судна?

– Действительно, гестаповец угрожал мне новыми допросами, – вспомнил Шерстнев. – А что по этому поводу думаете вы?

– Думаю, гестапо отправило вас сюда, вместе со всеми, по какой-то ошибке. Как бы эту ошибку не исправил сам Реттгер!

– Кто это?

– Комендант острова, штандартенфюрер СС. Попасть к нему очень опасно: это почти всегда конец. – Смуров в раздумье потер переносицу. – Может быть, вас сегодня же спря-

тать?..

– Как спрятать?..

– Переправим вас в ревир и...

– Простите, что такое «ревир»?

– Лагерный лазарет. Нередко нам удастся подлечить там своих товарищей. Но там же и умирают те, помочь которым уже невозможно.

– Ну и зачем меня туда?

– Верные люди заменят ваш номер на номер умершего, если он не находился на подозрении гестапо. Вы получите его имя и сведения о нем, какие имеются на карточке в канцелярии. А ваша карточка пометится буквой «V»...

– А это что такое?

– «V» – первая буква от слова «фершторбен» – «умерший». И тогда вас уже искать не будут. Согласны?

– Решим позже, товарищ Смуров.

– Можно опоздать.

– Я к опасностям привык. И терять мне уже некого, и меня некому ждать...

Смуров бросил на Шерстнева вопросительный взгляд. Тот добавил:

– Жена умерла от голода в блокированном Ленинграде. Теперь я один. Извините, а есть ли семья у вас, товарищ Смуров? Откуда вы родом?

Смуров опустил голову на руки и молчал. Шерстневу стало неловко, и он добавил:

– Если на мой вопрос вам больно отвечать, не говорите.

– Я из Курской области, – глухо заговорил Смуров. – Жена и дети были эвакуированы в Кировскую... На этом все оборвалось. И мне вряд ли придется еще раз увидеть родную землю и семью...

– Не рассчитываете остаться в живых?

– Вероятность остаться в живых для меня меньшая, чем для других... Староста лагеря в повседневной борьбе за своих людей постоянно висит на волоске. И затем, в нашей скрытой борьбе я – передний...

Смуров помолчал. Он сидел на ящике, ссутулясь, положив острые локти больших рук на высокие высохшие колени. Рано поседевшая голова лежала подбородком на широких ладонях с крупными узловатыми пальцами. Умное лицо с заострившимися скулами и костистым носом в эту минуту было болезненно серым и бесконечно усталым. В потемневших глазах стояла тоска...

В дверь раздался осторожный стук.

Смуров точно очнулся. Лицо отвердело, осуровело. Взгляд снова стал спокойным, пронизательным.

– Нам пора разойтись, Василий Иванович, – сказал он, вставая. – Меня ждут другие дела...

В то время, когда новых узников с торпедированной

«Невы» допрашивали в гестапо, Костя Таслунов перетаскивал грузы из шлюпки в пещеру, воображая, что он попал на необитаемый остров, и не подозревая, что находится от своих товарищей совсем близко.

Когда Костя, смертельно усталый, улегся на ящики и сразу же тяжело уснул, из эсэсовской казармы «Центра» вышел на прогулку охранник Граббе. Прогулки «для закаливания» он совершал ежедневно, невзирая на погоду. В дни очень холодные и штормовые он ограничивался двухсотметровой тропинкой, ведущей от казармы к выходу из долины вниз, в гавань. В хорошую погоду спускался до нижней дороги, а иногда добирался до «кривоколенного» ущелья.

Сегодня ветер был южный, не особенно «кусался» и лишь слегка завивалась поземка. А настроение у Граббе было отличное. Шарфюрер перед строем поставил его в пример за решительность, проявленную при конвоировании славян на работу. Строптивый поляк с больной ногой все время отставал. Товарищи поляка помогали ему идти, но шарфюрер запретил это. Среди заключенных слышались возгласы протеста. Тогда Граббе быстро отделил больного от остальных, отвел от дороги в сторону и прикончил короткой очередью из автомата.

При конвоировании русских Граббе часто выступал как переводчик. Русским языком он владел плохо, но обязанности переводчика исполнял охотно. Гордясь своей ролью, он не упускал возможности поговорить с каким-нибудь за-

ключенным о величии арийской расы и славянской неполноценности. Но обычно такие разговоры кончались одинаково: русский плевал эсэсовцу в лицо и получал в ответ автоматную очередь.

Теряя слишком много людей, шарфюрер вынужден был потребовать от Граббе строгого выполнения инструкции, запрещающей охраннику вести вольные разговоры с заключенными. И страсть Граббе к таким разговорам постоянно оставалась неудовлетворенной.

Привычным путем Граббе дошел до ущелья и случайно взглянул вниз. Глаза его стали круглыми: в ущелье на воде покачивалась шлюпка. «Неужели занесло из океана? Может быть, с добычей?» Граббе поспешно спустился в ущелье, прошел к шлюпке и, пораженный, ухватился за автомат, осматриваясь вокруг. Шлюпка была привязана к веслу, заложенному за камни. «Кто-то приплыл сюда и здесь высадился...»

Но кто мог забраться сюда, на засекреченный остров? Заплыть в такую даль на шлюпке невозможно. Шлюпка могла попасть в фиорд только с какого-либо корабля... Граббе весь напрягся, озираясь по сторонам, сжимая автомат, готовый к стрельбе. «Не разведчики ли? Выслежу. А если захвачу в плен – железный крест получу...»

Вот и следы от шлюпки к пещере... Стараясь, чтобы щебень не осыпался из-под ног, Граббе осторожно поднялся на площадку. Держа автомат на изготовку, подкрался к пеще-

ре сбоку и заглянул внутрь. В полумраке различил коробки, сумки, пакеты, ящики и спящего человека.

Осмелев, Граббе на цыпочках вошел в пещеру и внимательно огляделся. Кроме одного спящего, никого. А сколько пакетов! Вот это добыча! Все это может стать его трофеем. Жадность заговорила в нем с огромной силой... Убить сейчас спящего – и все останется здесь, в тайнике... Нет, а как же железный крест? Надо разобраться, кто это... И вдруг он не один. Конечно, он не может быть один. Такую тяжелую шлюпку с таким грузом одному сюда не провести...

Эсэсовец подошел к спящему вплотную и нагнулся, разглядывая лицо... Похоже – русский.

– Штейт ауф! – скомандовал он, ударив Костю носком сапога в бедро.

Костя испуганно привстал. В лицо ему глядело дуло автомата... Что такое? Опять эсэсовец! Не сон ли это?.. Костя протер глаза.

– Штейт ауф! – повторил эсэсовец. – Хенде хох!

Костя медленно встал, придерживая ногу, которая затекла. Поднял руки. Страху не было. Была горькая досада, что снова попал в руки врага. «Ну, будь начеку, Константин, смотри в оба!»

– Ты кто есть? Разведчик?

– Я рыбак. Потерпел кораблекрушение.

– Ты один, два, три? Вифиль?

– Нас трое. Есть еще два. – Костя быстро прикинул, что

такое сообщение толкнет эсэсовца на поиск других. Можно выиграть время и что-либо предпринять в подходящую минуту.

– Где два рыбак?

– Там! – Костя неопределенно мотнул головой в сторону выхода.

– Оружие где есть?

– Мы безоружные. Нас занесло сюда штормом.

Граббе думал: «Шторм действительно бушевал целую неделю. Я гулял только по тропинке. Может быть, они и есть рыбаки? Тогда креста не будет... Будет трофей...»

– Открывать все карман!

Костя вывернул карманы брюк и куртки. Вывалились только носовой платок и расческа Шерстнева. «Нож в моем бушлате, – вспомнил Костя. – Это хорошо».

– Бросать мне расческа!

Костя бросил ему расческу.

– Раздевать куртка, брюки, сапоги! – приказал Граббе, ему все эти вещи очень понравились. – Ты одевать другой платье!

«Вот гад! – распалялся Костя, раздеваясь. – Ударить бы его тяжелым в лоб, но нет ничего подходящего рядом. И не успеть против автомата». Опасаясь, что эсэсовцу понравится и белье, Костя быстро натянул свои еще не просохшие брюки и надел бушлат.

– Что раздевал, ты вязать узел! – Лево́й рукой эсэсовец отстегнул ремешок, тянувшийся от пояса к пистолету, и бро-

сил Косте.

Снятое с себя Костя свернул в узелок и перетянул ремешком.

– Бросать мне!

Костя бросил ему узелок. «Ну и мародер! Швырнуть бы ему в морду!» Эсэсовец положил узелок возле ног.

– Чей это вещи?

– Наши.

– Что есть вещи?

– Продукты, одежда... Всякое.

Граббе представил, как он будет вытаскивать из ящичков, из коробок самые неожиданные предметы, сюрпризы. Он очень любил сюрпризы... Все это он разложит по-своему, по-иному, в строгом порядке. Русские не умеют держать порядок. Славянская неполноценность! Надо говорить об этом с русским...

– Сядь ящик! Класть руки колено!

Костя сел. Эсэсовец отступил и уселся на коробку напротив входа, продолжая держать автомат на изготовку.

– Я хочу к тебе разговор иметь...

– Давай, давай, – пренебрежительно согласился Костя, рассматривая щуплую фигуру эсэсовца, его острое, раскрасневшееся лицо. – Выкладывай свой разговор.

– Ты – славян. Твой кровь плохой, грязный кровь. Шлехт! Я – немец, мой арийский кровь – чистый кровь!.. Ты знать это?

– Все это бред! – коротко отрезал Костя.

– Молчать! – Эсэсовец вскипел и направил автомат в сторону Кости. – Арийская кровь – есть! Арийская раса – есть! Фюрер – хайль!

– Какой же это разговор, если ты мне автоматом угрожаешь, – презрительно сказал Костя. – Это насилие, принуждающее молчать. Насилие – извечный закон бандита.

– Так, так! Рихтиг! Я приказал – ты надо молчать. Насилие нам дорогу прорубайт. Насилие – гут!.. А что есть «бандита»?

– Ты и есть бандит.

– Ихь – бандит? Гут. Бандит – хорошо. Говори еще! Мне есть удовольствие мой и твой противоречий. Слушай еще... Дойчлянд для весь мир главный быть! Приказ от фюрера исполнять быть!

– Этому не быть! – опять не выдержал Костя.

– Молчать! – Граббе вскочил с места. – Штейт ауф!

Костя встал. Несколько секунд эсэсовец самодовольно смотрел на Костю, наслаждаясь своей властью и силой. Затем приказал:

– Еще сядь ящик! Класть руки колено!

Костя сел. Опустился на ящик и Граббе. Разговаривая с Костей, он сидел против него так, что перед ним был и вход в пещеру; неизбежно слышал бы он и шаги спутников своего пленника, возвращения которых ожидал.

– Немец – ум, наука! – снова начал Граббе, снедаемый же-

ланием разговаривать с русским. – Немец – много культура, цивилизация! Славян – нет ум, наука. Нет культура, цивилизация... Что ты будет говорить?

– Ничего я не буду говорить! – В Косте все кипело: «Этот фашист смеет говорить о цивилизации! Относит к цивилизации и пытки, и душегубки, и массовые убийства женщин и детей, и виселицы, и костры из книг... Кровавый выродок!..»

– Мы – арийская раса! – Эсэсовец многозначительно поднял указательный палец левой руки, оставляя правую руку на спуске автомата. – Грязный раса надо весь истреблять! Чистый пространство делать! Говори противоречий!..

– Ты каракурт! – с ненавистью вырвалось у Кости. – Ядовитый паук! Черная смерть!

– Ага. Хорошо. Я – каракурт. Я кусаю – приходит черная смерть. Рихтиг! Говори еще!

Костя молчал, задыхаясь от возмущения, но стараясь сдержаться.

– Надо много убивать! Выливать грязный кровь без жалеть! – Эсэсовец выговаривал фразы с фанатической убежденностью. – Мне нет сердца, нет совесть, нет нервы, – я немецкий железо!.. Я убивал семь и шестьдесят славян. Ты будет восемь и шестьдесят. Мне надо убивать сто славян. Один немец – цена сто славян!..

– Ты – насосавшийся чужой кровью слизняк! – Костя трепетал от ярости. – Ты...

– Стой! Что есть «слизняк»?

– ...мерзкий червь!..

– Червь?! – Эсэсовец побагровел, вскочил с места и, клокоча от злобы, направил автомат в лицо Кости.

– Штейт ауф! Сейчас тебе выстрел будет! Штейт ауф!

Костя продолжал сидеть. «Пока ты не нашел других, вряд ли ты меня убьешь, гадина!..»

– Я тебя не боюсь, мокрица! На тебя даже плюнуть противно!

– Если ты будешь плюнуть – выстрел тебе буду! Плевать нет – надо рыбак искать. Где твой два рыбак?

Костя промолчал, успокаивая себя: «Имей выдержку, Константин. Зачем с ним спорить? Он может не сдержаться. Если я его не перехитрю и не опережу, он меня убьет. А я сам хочу убить такую гадюку...»

В этот момент сверху свалился Епифан. Он отоспался, услышал разговор, вылез из ящика и прыгнул вниз, доверчиво избрав плечо эсэсовца как переходную опору.

Эсэсовца точно подбросило. Одновременно простучал автомат. Короткая очередь лишь случайно не пробила Таслунова. Пули угодили в камень над головой, разбрызгивая во круг мелкие осколки.

Побелевший от страха эсэсовец стоял, озираясь по сторонам, сжимая автомат трясущимися руками, готовый стрелять и стрелять. А виновник переполоха Епифан, перепуганный не меньше эсэсовца, изогнувшись дугой, вздыбил шерсть, зашипел и боком в несколько прыжков исчез в тем-

ном проходе, уводившем из пещеры в глубь скалы.

– Что... есть... этот зверь? – заикаясь, спросил эсэсовец, продолжая оглядываться во все стороны.

– А что, испугался?.. Дрожишь?.. – злорадно спросил Костя, стряхивая с себя щебень. – Храбрец без нервов! От черной кошки в штаны напустил!

– Ди катце? – недоверчиво переспросил эсэсовец. – Какой штаны?.. – И вдруг со злобой выкрикнул: – Штейт ауф!

Костя продолжал сидеть, вытряхивая из волос мусор. «Не боюсь я тебя, гада... Теперь я уже стреляный...»

– Почему еще нет твой два рыбака? – наседал немец. – Я ждал; где два рыбака?

– Они придут не скоро. – Костя взял себя в руки. – Мы нашли хорошую пещеру и носили туда вещи. Мы устали. Они спят там, в другой пещере.

– Там еще вещи есть?

– Есть... много.

– Мы пошел туда, пещера. Ты – вперед! – Граббе левой рукой поднял узелок.

5

Они вышли на площадку. Костя внимательно оглядел видимую часть окрестности. Нигде никого. Прихрамывая, он медленно спустился к руслу и двинулся по дну ущелья, припоминая, что заметил во время своей разведки.

Эсэсовец, снедаемый нетерпением, понукал пленника идти быстрее, подталкивая его в спину стволом автомата. Костя ступал на «больную» ногу, осторожно обходил камни, которые можно было легко перешагнуть.

– Ты иди скоро! – торопил эсэсовец. Ему хотелось застать тех рыбаков спящими: так проще было их прикончить.

Костя пошел еще медленнее.

Граббе проявлял все большее нетерпение, все чаще покрикивал на Костю и подталкивал его автоматом в спину.

– Скоро надо! Иди скоро!

Приблизившись к расщелине, по гребню которой он поднимался на скалу, Костя вдруг споткнулся, застонал, ухватился рукой за ногу.

– Делай фигура прямо! – прикрикнул эсэсовец и уперся автоматом в бок Кости, толкая его вперед. И в этот момент Костя мгновенно вывернулся из-под автомата, ухватился за него левой рукой и, с разворота, ударил эсэсовца кулаком в лицо. Удар пришелся в глаз.

Граббе взвыл от боли и отшатнулся, не выпуская автомата. Костя, наседая, снова ударил в лицо и так рванул, что чуть не упал, оторвав автомат от немца. Тот не устоял и опрокинулся на спину.

– Встать! – приказал Костя, направляя автомат на немца. – Штейт ауф!

Помертвевший от страха эсэсовец с трудом встал.

– Хенде хох!

Немец поднял дрожащие руки.

– Опустить левую руку! – скомандовал Костя. – Расстегнуть пояс!

Эсэсовец с трудом расстегнул пояс, который упал к его ногам вместе с пистолетом.

– Два шага назад! – продолжал командовать Костя. Граббе послушно отступил. Костя подобрал пистолет, засунул его в карман бушлата. Обошел эсэсовца вокруг. Тот заметно дрожал и попытался что-то сказать, но зубы залязгали и слова застряли во рту.

– Ну как, «немецкое железо», дрожишь? Не железо ты, а овечий хвост!

– Не убивать меня! – взмолился эсэсовец, всхлипывая. – Тебе буду отдавать выкуп...

– Как же выкупишь ты шестьдесят семь своих жертв, фашистская стерва?!

Эсэсовец упал на колени, пытаясь сквозь хныканье высказать новые обещания.

– Встать! – приказал Костя. – Будешь слушать мою команду – не буду в тебя стрелять, убьешь себя сам... Подними узел!..

Немец послушно поднял узел.

– Теперь рассказывай, что тут такое, сколько вас здесь...

Заикаясь от страха и от старания проявить полное послушание, эсэсовец долго отвечал на все вопросы. Выспросив все, что можно было узнать от охранника, Костя приказал:

– Шагай к расщелине! Будем подниматься из ущелья!

Немец приободрился и пошел вперед.

Когда выбрались на вершину, Костя остановил эсэсовца в двух шагах от края скалы, отвесно спускавшейся в расщелину.

– Стать лицом ко мне!.. Так... Теперь снимай шинель!

– Мне будет холодно, – возразил перепуганный насмерть эсэсовец. – Мне станет больно... Мне будет кранк...

– Молчать! – прикрикнул Костя. – Тебе будет другая одежда!

Немец посмотрел на узел, положил его на камень и торопливо снял шинель.

– Снять мундир, фуражку, сапоги! – продолжал Кости. – Быстро!

Непослушными пальцами эсэсовец долго расстегивал пуговицы, потом снял мундир, фуражку и сапоги.

– Шаг вперед!.. Два шага назад! – командовал Костя.

– Давай узел! Мне станет больно! – потребовал немец.

– Шаг вперед! – неумолимо продолжал Костя, приближаясь к эсэсовцу с автоматом, направленным ему в грудь. – Два шага назад!

Эсэсовец сделал один шаг назад, второй и... с диким криком полетел вниз. Из глубины раздался глухой удар, и все смолкло.

Подхватив узел и эсэсовское обмундирование, Костя быстро спустился в ущелье и прошел в расщелину.

Эсэсовец лежал мертвый. Костя брезгливо забросал его камнями.

«Вот тебе и обещанная одежда, подлый убийца! А теперь надо торопиться к шлюпке. Придется искать для нее надежное место».

6

С узлом, с эсэсовским обмундированием и оружием Костя заторопился к своему убежищу, возбужденный пережитой опасностью и неожиданными новостями, добытыми от эсэсовца. «Вот тебе жуки и пауки!.. Не отсюда ли был нанесен удар по „Неве“?»

Почти бегом Костя добрался до шлюпки и остановился, запыхавшись. Что делать дальше?.. Нагрузить шлюпку камнями и утопить здесь, на мелком месте?.. А если она вдруг понадобится? Тогда в одиночку ее не поднять... Куда-нибудь заплывать с нею?.. Куда? В грот! В тот самый... в фиорде...

Не медля Костя поднялся в пещеру. Переодеваться не стал: надо спешить. Проворно опоясался ремнем с пистолетом эсэсовца, сунул в карман электрический фонарик Василия Ивановича, несколько сухарей, забрал все весла к спустился к шлюпке, беспокойно озираясь по сторонам. Прежде чем «сняться с якоря», тщательно уничтожил следы к пещере.

Облегченная шлюпка слушалась хорошо и шла быстро.

Плыть пришлось недолго, – к гроту Костя добрался скорее, чем рассчитывал. Оглядываясь, он осторожно заплыл внутрь и облегченно вздохнул: укрытие надежное, и никто не видел, как он сюда пробрался.

Грот оказался просторным, с высокими сводами. Боковые стены были крутые, а задняя ступенями поднималась под самые своды и там исчезала во тьме – в продолжении грота, уходящего в глубь скалы. «Видимо, здесь когда-то стекал в фиорд подземный водопад, – решил Костя. – И наверху, под сводами, – бывшее устье его подземного русла».

Сумеречный свет проникал в грот снизу – через вход из фиорда и сверху – из невидимого Косте какого-то отверстия под сводами. Как добраться до него? Куда оно выходит? И можно ли через него выкарабкаться на поверхность?.. Все предстояло выяснить. Но прежде надо еще закрепить шлюпку.

Камней, каких много валялось в ущелье, здесь вовсе не было. Придется придумывать что-то другое... «Вот разве попробовать это?» Костя причалил шлюпку к задней стене – там он заметил трещину. Всунул в трещину весло – оно вошло туда глубоко. Заклинил его другим веслом и еще одним. Получилось прочно, надежно. К этому новому «якорю» Костя привязал шлюпку крепким морским узлом и выбрался на каменную площадку.

Теперь можно было забираться под своды. Всмотрев маршрут, изобилующий уступами, Костя начал поднимать-

ся с одного «порога» на другой и без особых трудностей достиг верхней площадки. Здесь передохнул и осмотрелся... Темным туннелем уходило в скалу бывшее русло подземной речки. Еще один подземный ход – узкий и низкий – уводил в боковую стену. А со стороны фиорда, через просторное отверстие под самыми сводами, в грот вливался широкий поток света и холодного воздуха.

По выступам и карнизу Костя добрался к отверстию. Осторожно выглянул. До вершины скалы было не менее пяти метров нависающего гладкого камня. Никакой возможности выбраться на поверхность здесь не было. Внизу тускло мерцала черная вода фиорда. Скала опускалась туда почти отвесно. Слева, совсем близко, виднелась трещина. Она была неглубокая, с покатыми сторонами, и из нее легко было бы выбраться на поверхность. Но... пути к ней тоже нет. Костя перебрался обратно на верхнюю площадку и, расстроенный, принялся жевать сухарь... Придется искать новую стоянку или, оставив шлюпку здесь, выбираться из грота вплавь. Но в ледяной воде долго не продержаться.

«А может быть, на поверхность выведет это подземное русло?..»

Костя сразу же заторопился. Сунул в карман недоеденный сухарь, вытащил электрический фонарик и, не медля, двинулся в путь... С беспокойством всматривался он в неровные каменные стены, в низкие тяжелые своды – они подавляли, угнетали. Глухая тишина казалась зловещей, ее нару-

шал лишь скрип мелкого гравия под ногами и неровное дыхание Кости...

Щемило сердце. Тело наполнялось дрожью. Один, совсем один! И что бы ни случилось с ним здесь – никто никогда не узнает об этом, не окажет помощь...

Несколько раз готов был он броситься обратно. Но, стискивая зубы, продолжал идти вперед. И даже, наперекор страху, стал насвистывать веселый мотив. Но вдруг остановился в изумлении... Перед ним была стена, перегораживавшая туннель, – глухая, ровная стена из железобетона...

Несколько минут Костя простоял неподвижно, затаив дыхание, напряженно прислушиваясь. Ни звука, как в могиле. Стараясь ступать неслышно, он подошел к стене вплотную, приложил ухо к холодному бетону. Та же мертвая тишина. Попробовал постучать. Звук был еле слышный, поверхностный, – видимо, стена была толстая, – и он не вызвал никакого отклика...

Беспокойно озираясь, Костя повернул обратно к гроту, постепенно ускоряя шаги. «Кто мог построить в подземелье такую стену? Фашисты?.. Зачем?.. Какие секреты таятся по ту сторону этой стены?.. Надо разведать, что делается на острове! Надо найти ход к этому тайнику! Ты должен сделать это, Константин!»

Последние несколько метров, навстречу свету, Костя чуть ли ни бежал. Очутившись снова в гроте, он несколько минут облегченно дышал, отдыхая от пережитого напряжения...

Но что же делать дальше? Заглянуть еще и в эту дыру?

Костя подошел к низкому ходу в боковую стену и нагнулся, чтобы заглянуть в него. Но что такое?.. Почему здесь потянуло свежим воздухом? Костя присел на корточки и в глубине хода увидел белое пятно света, падавшего сверху... Низко пригнувшись, он прошел туда и неожиданно очутился в наполненной светом, присыпанной снежком узкой траншее. Вверху были видны ее неровные края, а в просвете между ними, в вышине, – серые бегущие тучи... Костя осмотрелся... Так это же та самая расщелина, которую он заметил, выглядывая из грота! Выбраться отсюда уже не составило трудности... И вскоре Костя был в своем ущелье...

В пещеру он вошел осторожно, с пистолетом в руке. Но там все было так, как он оставил. На ящиках лежали одежда, автомат, сумка Василия Ивановича, фляга с водой.

День подошел к концу – беспокойный, трудный день. Костя переоделся, поел сухарей и принялся разбирать завезенное имущество. В сумке Василия Ивановича он, к удивлению, нашел пистолет. «Вот если бы я знал раньше... Хотя лучше, что не нашел тогда...» Морской бинокль очень обрадовал: «Для разведки будет очень кстати...»

Теперь Костя имел автомат, два пистолета с запасными обоймами, бинокль и эсэсовскую форму. «Для партизанских действий – неплохо!..» Костя занялся разбором других грузов. Первый же ящик, который он открыл, разыскивая консервы, вызвал у Кости невольный стон горечи: сверху в ящи-

ке лежал ракетный пистолет и три больших коробки с ракетами. «Оо-о-о, если бы я знал тогда, где они!.. Я был бы теперь среди своих, родных, советских людей, а не в стане врагов, которые уже дважды пытались меня убить! Но, коли ты уже среди них, надо бороться, Константин!..»

Глава пятая

В борьбу вступают новые силы

1

В этот вечер «славянский» сектор лагеря напоминал потревоженный улей. Команду с «Невы» Смуров и Шерстнев распределили равномерно по всем баракам. И беседами о последних новостях с Большой земли были охвачены все заключенные. Вопросам не было конца. До глубокой ночи слышались в бараках приглушенные волнующие разговоры.

А в кладовке восьмого барака в этот вечер заседал подпольный комитет «славян». Обсуждались три тщательно подготовленных сообщения: о возможности пополнить запасы оружия, об организации боевых групп и об оперативном плане восстания.

В заседании комитета принимал участие и представитель «западного» сектора – Вальтер. Под этим конспиративным именем (его настоящую фамилию знал только Смуров) в «славянский» сектор нелегально проникал немецкий коммунист, возглавлявший подпольный комитет «западников». По-русски он говорил свободно, почти без акцента. Для вза-

имопомощи и координации действий обоих комитетов Вальтер бывал на заседаниях «славян», а Смуров (под именем «Михаил») – на заседаниях «западников».

Вальтер прошел суровую школу подпольной работы в Германии и стал опытным подпольщиком. И здесь, на острове, он сумел наладить глубоко законспирированные связи с немцами-антифашистами, работавшими в арсенале, в госпитале, среди охранников и даже в канцелярии самого штандартенфюрера.

Благодаря этим связям он неоднократно помогал Смурову, который, со своей стороны, увлекал Вальтера революционным порывом к действию, неукротимой энергией и волей к борьбе.

Наибольшее количество вопросов вызвало сообщение Смурова и Вальтера о возможности вывезти со строительным мусором партию оружия из арсенала, во время предстоящего там переоборудования и ремонта.

Отвечал Вальтер.

– Точно ли, что будет машина-фургон? – спросил Медведев.

– Да. Машина уже выделена.

– А если шофер и охранник будут другие?

– Тот, кто выделяет этих людей, проверенный антифашист и согласен нам помочь. Грузчиков возьмут из славян, и надо, чтобы они были физически сильными. Это обязывает уже вас.

– Мы обеспечим погрузку. Грузчиками будут надежные товарищи, – сказал Смуков.

– Надо учесть, что риск провала большой. Тогда и наших и ваших людей будут жестоко пытаться и казнят. Подбирать на эту операцию надо людей бесстрашных.

– С нашей стороны будут именно такие.

– На сколько дней выделяется туда машина? – спросил Митрофанов.

– На два, три... В эти дни и надо все успеть.

– Не изменят ли эсэсовцы порядок проверки машин при вывозе строительного мусора?

– Надеемся, что останется прошлогодний порядок. Используем его слабые стороны.

– Надо воспользоваться тем, что у гестаповцев сейчас нет даже и мысли о возможности побега с острова, – сказал Смуков. – Это очень важное обстоятельство.

Когда заседание комитета пришло к концу и все начали вставать, Смуков предупредил:

– Погодите, что-то важное хочет сообщить нам товарищ Вальтер.

Сообщение Вальтера было коротким:

– Поступившая к вам сегодня новая группа пленных – команда с торпедированного судна «Нева» – неблагополучна. В ней есть опасный провокатор. Это первый помощник капитана, Борщенко. Он власовец. Вместе с известным вам Шакуном в сорок первом году, в Киеве, расстреливал советских

людей. Был старшим в зондеркоманде. Все это выяснилось сегодня на допросе у Хенке. Сейчас Борщенко задержан в гестапо для инструктирования. Он скоро явится. Возможно, даже сегодня. Предупредите об этом капитана Шерстнева.

После информации Вальтера установилось тягостное молчание.

– На точность этих сведений можно положиться, товарищ Вальтер? – спросил озабоченный Смуров.

– То, что произошло на допросе, не подлежит сомнению. Сообщение абсолютно надежного товарища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.